

МАРГАРИТА ЗАЙЦЕВА

МРИЦА
МОЕГО СЕРДЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Annotation

Что бы сделали вы, если бы вам однажды выпадал джекпот? Да такой, который незамедлительно поменял бы всю жизнь с ног на голову? Признайтесь, нет желания получить такой подарок, верно? Вот и Яда не мечтала изменить свою жизнь. Её устраивала дикая, неподдающаяся ничьему контролю жизнь пацанки. Алкоголь, дым сигарет, уличные драки – вот ее день сурка. Но один вечер изменил все.

- [Маргарита Зайцева](#)

-

- [Предисловие](#)

- [Часть 1](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Часть 2](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Север](#)

- [Роза](#)

- [Эпилог](#)

Маргарита Зайцева
Жрица моего сердца

Предисловие

Что может произойти с обычной девчонкой, смысл жизни которой были ночные посиделки с друзьями в темных переулках; дебоширства, постоянно заканчивающиеся ссадинами и кровоподтеками; утренние похмелья, сопровождающиеся болями в голове и ломкой мышц во всем теле? Конечно же, исправительная колония строго режима или всем знакомая телепередача «Пацанки», где из бунтарок, алкоголичек пытаются сотворить истинных леди. И ведь последний вариант не так уж и плох. Тогда что меня может смущать? Ха, кажется, знаю. Если тем «счастливицам» выпадает шанс изменить только саму себя. То мне в этом плане выпал сам джекпот.

С той роковой ночи все и началось. Мы не планировали устраивать шумную вечеринку. И уже тем более в наши планы не входили: ни мордобойство, ни энное количество спиртного, ни секс с незнакомцами в темных уголках, откуда были слышны громкие стоны и противные скрипы кроссовок, что постоянно скользили по сырой земле. Нам не предвиделось, что все может повториться – мы снова наклюкаемся, как свиньи, воплотим в реальность свои дикие и постыдные желания, а на утро проснемся от резкой боли и ничего не вспомним, что происходило ночью, и только галерея смартфона могла бы освежить нашу память. Тем вечером нам это не нужно было. Мы всего лишь хотели немного расслабиться...

Часть 1

Роза

– Яда, может тебе хватит? – сквозь затуманенный разум прорывался до боли знакомый голос, вспомнить который становилось все сложнее и сложнее.

Свое тело я уже давно не контролировала, а все здравые доводы послала к черту после третьей рюмки коньяка. Живительная настойка огнем растекалась по горлу, обжигая все на своем пути, даря тепло и спокойствие. Кто сказал, что алкоголь не расслабляет? Чушь собачья! Еще как расслабляет. После пары стаканов в голове срабатывает переключатель, и твои проблемы уже не кажутся проблемами, ты спокойно находишь решения ко всем задачам. После одной бутылки ты ощущаешь себя повелителем этого гнилого, серого мира и посылаешь к черту всех, кто издевался над тобой, унижал, оскорблял и как-то задевал твою честь. Тебе становится плевать на все, что происходит во круг. Ты не чувствуешь ни боли, ни чувства сожаления, ни грусти. Остается только легкость. Но что происходит с телом, когда в него попадает третья бутылка с высоким процентом содержания алкоголя?

– Яда, это добром не кончиться! – далекий голос все не оставлял меня, но мне было совсем не до него. Меня ждали облака, розовые, пушистые, словно овечки, мягкие облака.

– Яда, а ну спускайся! Ты же убьешь себя! – голос разума звучал, где-то далеко на краю сознания.

– Да не ссы ты! – махнула рукой и чуть не потеряла равновесие. – Оу, я и не думала, что моя рука такая тяжелая. Хи-хи, – ни с того ни с сего на меня напала истерика. Легкие закололо от нехватки воздуха. Живот болел от постоянных содроганий и скручиваний. А из горла рвался громкий, больше похожий на скрип старой ведьмы, смех.

Мне было весело, легко. Мне было хорошо. И ни что не могло испортить мне этого состояния.

– Отпустите меня! – слышала сквозь дикий смех.

– Мышка сопротивляется? Котику нравится, – картина вокруг расплывалась, но я заставила себя собраться и сосредоточила взгляд на маленькой девушке, которой дала бы лет шестнадцать. Это хрупкое создание было стиснуто большими, жирными руками какого-то

мерзавца, вырядившегося как байкер. Девушка вырывалась, кричала, но никто не спешил ей на помощь – всем было плевать. С десяток нахрюкавшихся мужиков окружили бедняжку и жрали, словно кони на пастбище. Увиденное разозлило меня. В груди взорвался вулкан. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. И единственное, о чем я мечтала, было желание хорошенько врезать каждому ублюдку из той компании.

– Эй, уроды! – спрыгнув со стола и поймав равновесие, выкрикнула, привлекая их внимание.

– Ты че там вякнула, шавка? – тот, кто держал девушку за плечи, повернулся в мою сторону.

– Яда, не надо, – кто-то схватил меня за плечо, явно останавливая. Но останавливать меня было поздно. Стряхнув мужскую руку с плеча, обратилась к жирдяю:

– Я сказала, отпусти ее!

– И что ты мне сделаешь, малявка? – в уши врезался голос, больше похожий на писк ребенка, у которого отобрали конфету.

– Размажу твое рыло вот об этот асфальт, – указала ему под ноги.

– Ой, боюсь-боюсь, – и снова противный смех.

– Я предупредила, – кивнув самой себе, рванула в сторону главаря банды.

Мужланы будто очнулись от сна и тут же кинулись на меня. Здоровые, крепкие они превосходили меня силой и ростом. Но в отличие от них я была поворотливее и быстрее, что позволяло мне наносить короткие удары одному и тут же переключаться на другого. А маленький рост давал мне возможность с легкостью просачиваться между толстыми брюхами этих извращенцев и разносить их шайку в пух и прах.

Захват. Удар в печеньку. Преграда. Удар в пах, затем в челюсть. Кулак сверху. Апперкот. И вот уже трое на холодной земле. Удар в челюсть заставил меня собраться. Облизав губы, сплюнула кровь. Алкоголь мешал сосредоточиться. Пару раз я пропустила сильные толчки в бок и, кажется, сломала ребра. Нос давно кровоточил, но это не давало мне повода сдать. Эти ублюдки должны поплатиться за содеянное! Никто не вправе издеваться над невинными девочками. Никто!

– Спокойной ночи, – прошипела самому крупному в их компании и отправила его в нокаут.

Голова не соображала. Взгляд то и дело расплывался. Дышать было тяжело. Но мысли о том, чтобы сдаться, не возникало. Я продолжала наступать, продолжала избивать здоровых мужиков, получая при этом более сильные удары, от которых все тело уже покрылось гематомами и кровоподтеками. Развернувшись на все сто восемьдесят градусов, с ноги всадила верзиле, на морде которого остался красный след от моего ботинка.

– Ну, кто следующий? – оттряхнув майку, огляделась. И только собралась расслабиться, как в лицо прилетело что-то железное и холодное.

– Яда! – крик друга было последнее, что я слышала в нарастающем шквале голосов. Боль пронзила голову, кажется, даже шла кровь. Перед глазами стояла кровавая пелена. А из груди рвался тихий хрип – что-либо говорить было нелегко. Сломанные ребра врезались в легкие, разрывая их. С каждым вдохом, поглощать воздух становилось все тяжелее и тяжелее. Откуда-то сверху доносились голоса, рев заведенных мотоциклов, сирены приближающихся машин.

А затем все стихло...

В себя приходила медленно. Голова раскалывалась. Тело ломило, как после хорошей трепки. Дышать было тяжело, словно на груди лежало не одеяло, а огромный булыжник. Лёгкие сковывали спазмы. А из горла вырывался ни то стон, ни то хрип.

– Че-ерт! Кто включил свет? – хрипло протянула я, когда сквозь закрытые веки начал пробиваться белый, раздражающий свет. – Ребят, задвиньте шторы, – переворачиваясь на другой бок, попросила тишину.

Я уже начала засыпать, когда кто-то бесцеремонно сорвал с меня пуховое одеяло, под которым было тепло и уютно. Прохладный воздух тут же окутал босые ступни. Съежившись от холода и яркого света, потянулась за спасительной тканью. Но на простынях ее не было, от

слова совсем. Мало того, материал простыней был настолько гладким и приятным на ощупь, что напоминал чистый шелк. Но у меня дома нет шелкового постельного белья!

Распахнула глаза, от солнечного света которые пришлось тут же закрыть обратно. И только, когда привыкла к дневному свету, осмотрелась.

Какого хрена!

Простых слов у меня не было, были одни маты, добрые, родные маты. Правильно папа говорил, что нужно читать больше книжек, сейчас бы хватило словарного запаса, чтоб описать в какую ж**у я попала.

Большая кровать. Темно-синие простыни. Рядом небольшой столик из белого дерева. У стены, покрытой инеем, возвышался массивный шкаф.

Нет, все, конечно, красиво, гармонично. Но мне вот что интересно: Какого лешего здесь происходит? Это явно не моя комната! И что-то мне подсказывало не мой дом совсем.

– Кхм-кхм, – послышалось откуда-то на границе сознания.

Тряхнув головой, от чего по венам прокатилась боль, заставляя челюсть сжиматься, а вески пульсировать.

Только этого мне не хватало!

Прикрыла глаза. Пальцы на автомате принялись массировать набухшие вены. Отец всегда так делал, после проведенной ночи с друзьями. Он считал, что это отличный способ прогнать похмелье, чем пить живительные настойки бабушки.

Что?

Резко открыла глаза. Но их тут же пришлось закрыть, ибо чёрные противные мушки вновь начали кружиться передо мной. Промассировав вески ещё раз, уже медленнее подняла веки.

Похмелье.

Ну тогда все понятно. Бояться нечего, ведь я сейчас лежу в своей комнате и брежу.

– Кхм-кхм, – донеслось из пространства.

Перевела взгляд в сторону, откуда доносилось покашливание, и встретила с темными, синими глазами, в глубине которых плясало мертвое спокойствие.

– Здравсте, – кивнула, разглядывая хмельной бред.

Широкие плечи покрывала белая ткань. Через чуть распахнутый ворот виднелись острые ключицы. Рубашка, рукава которой были подвернуты, была заправлена в чёрные широкие брюки, обтянутые тяжелым кожаным ремнем.

Какой-то реалистичный бред меня сегодня посетил. Интересно, а я смогу его пощупать?

Уже потянувшись к мужской фигуре, заметила в его широких ладонях такую родную, желанную ткань.

– Мой прекрасный бред, не мог бы ты мне отдать мое одеяло – очень уж холодно, – обняла себя за плечи и только сейчас заметила, что на мне нет одежды. Совсем!

– Твою ж!.. – сон сошел на нет, а нецензурная брань сорвалась с языка прежде, чем я успела ее обдумать.

– Что вы делаете?! – послышалось со стороны. – А ну немедленно накройте девушку. Не хватало, чтоб она ещё и простудилась! – женщина, лет восьмидесяти, вырвала у незнакомца то самое одеяло и, подойдя к кровати, укрыла меня.

– Спасибо, – прошептала ей.

– Да не за что, миледи, – женщина улыбнулась во все тридцать два зуба... Ой, точнее клыка.

Натянуто улыбнувшись в ответ, попятилась к противоположному краю кровати. Тряхнула головой, прогоняя наваждение. И вновь посмотрела на улыбчивую бабушку. Клыки не исчезли. Тогда я ущипнула себя. Из глаз брызнули слезы, а с губ сорвался крик. Вот только заострённые, нечеловеческие зубы никуда не делись.

– Чур меня, чур, – перекрестилась.

– Миледи, успокойтесь. Вам вредно нервничать, – тут же попыталась успокоить меня незнакомка.

– Агата, прекрати с ней нянчиться! Лучше пойдешь да приготовь ей ванну, – мужской голос ворвался в наш диалог и обжог своим равнодушием.

– Но, мой лорд, миледи нужен покой, – женщина встала в позу.

– О покое она должна была думать прежде, чем прыгать в озеро с головой. Она чуть не утопила моего наследника!

– Она была напугана, – как-то неуверенно продолжила, кажется, Агата.

– Я все сказал, – после чего незнакомец направился к выходу. –
Чтоб к обеду она была готова, – и захлопнул дверь.

То же мне, псих!

Погодите, что они сказали? Наследник? Чей? Мой?

Но этого же не может быть. Чтоб я. Чтоб с ним. Да я впервые его
вижу!

Голова разболелась еще больше. Разум отказывался соображать.
Перед глазами начали порхать чёрные мушки. И вскоре я вновь
провалилась в беспамятство.

Север

Да что эта девица из себя строит? Сначала шарахается от меня, словно ошпаренная. Потом несется сломя голову в воду, да еще и ребенка с собой забирает. Вот пусть сначала родит, а там хоть в воду, хоть в огонь – все равно. Если она, конечно, во время родов не попрощается с жизнью. Хотя так даже будет проще. Не придется брать на себя ее грех.

Маленькая, забитая, серая мышка – такой я забрал ее из семьи. Я вытащил ее из такого протухшего места, в которое ни один себя уважающий человек и носа не сунет, молчу уже про то, чтобы жить там. Поднял ее на ноги. Разодел ее. Делал дорогие подарки. Сотворил из замарашки первую леди королевства Вавилон. А взамен просил лишь об одном – чтоб родила мне наследника и дала согласие на развод. Все. Разве сложно сдержать слово?

Оказалось, что сложно. Эта ненормальная, чокнутая девчонка, как только узнала, что носит под сердцем мое дитя, принялась хаотично метаться по зале, что-то обдумывая в своей непутевой головушке, а после и вовсе, видать, не придумав ничего стоящего, решила утопиться, да и ребенка прихватила. Сумасшедшая!

За размышлениями я не заметил, как вышел из замка. В лицо хлынул свежий порыв летнего ветерка, принося с собой различные запахи и ароматы. Теплая погода стояла на улице. И хоть любил я больше зимнее время года, сейчас сезон яркого солнца был как нельзя кстати. Приняв решение немного прогуляться – до приезда родительницы нужно было остыть и прийти в себя, – ощутил на себе чей-то внимательный взгляд. Развернувшись в ту сторону, откуда смотрели, встретился с глубокими карими глазами, пристально наблюдавшими за каждым моим движением. И что-то было в этом взгляде невиданное мою ранее...

Роза

Второй раз приходила в себя уже быстрее и почти безболезненно. Вот только картина вокруг не изменилась. Я пребывала все на тех же шелковых простынях, в той же сине-белой комнате, а рядом с кроватью стояла все та же пожилая женщина.

– Как вы себя чувствуете, миледи? – заметив мое пробуждение, спросила Агата.

– Неплохо, – кивнула ей, все еще пытаюсь осознать в какую историю я вляпалась на этот раз.

А женщина в это время скрылась за белой, совсем неприметной дверью. Решив зря время не терять, встала с кровати, укуталась в одеяло и подошла к окну, распахнув створки настежь. Легкий ветерок ворвался в комнату, растрепав и без того спутавшиеся волосы. Прикрыв на секунду другую глаза, попыталась вспомнить, что произошло за последние двадцать четыре часа, где была, что, возможно, пила и все, что хоть как-то могло оправдать происходящее. Ибо никаких логических объяснений у меня не было.

Под окнами открывался живописный вид. Ярко-зелёные верхушки деревьев тянулись к нежно-голубому небосводу. Дорожки из белого камня тянулись вдоль небольшого сада, в центре которого возвышался мраморный молочного оттенка фонтан с кристально-чистой водой.

Краем глаза заметив внизу какое-то движение, обратила весь взор на черно-белую фигуру. Широкие плечи, ровно вздымающиеся вверх, говорили о том, что их обладатель имеет твердую выдержку и уверен в каждом своем шаге. Мужская походка была твердой, шаг – широким, даже размашистым. Этот необычной внешности мужчина точно знал, чего хочет, и явно не привык слышать «нет». Власть так и обвивала его с головы до пят. Суровость, холодность и равнодушие ко всему искрились вокруг него, обжигая каждого, кто только посмотрит в его сторону. Мне бы следовало его бояться, да только что-то будто мешало это сделать. Разум так и кричал: «Беги отсюда, спасайся как можно скорее». Но мне не хотелось. Разглядывая белоснежные, как первый снег, длинные для представителей противоположного пола волосы,

размышляла, что же скрывается за этой отстраненностью и закрытостью.

Засмотревшись образом незнакомца и по совместительству отца моего ребенка – брр, это мы еще не выяснили, – совсем позабыла о приличиях. А когда осознала, что нагло разглядываю мужчину, было поздно. Его ледяные глаза смотрели прямо на меня. Они притягивали и одновременно отталкивали. Дарили защиту и в то же время нагоняли страх и ужас. Необычное сочетание чувств, но мне почему-то это нравилось. Этот мужчина был загадкой, со своими тайнами и секретами, которые мне так хотелось раскрыть. Но что-то подсказывало, что мне не понравится то, что я узнаю...

И тут словно громом пораженная я замерла. Перед глазами проплыли воспоминания. Яркие картинки одна за другой всплывали из глубин подсознания. Тихий вечер. Темный переулок. Друзья. Алкоголь. Танцы. Банда мужланов-байкеров, что издевались над бедной девушкой. Бесплезные разговоры, за которыми завязалась драка. Два ребра было сломано. Нос, как и губа, кровоточил. И вроде уже конец, победа за мной. Как железная палка прилетает в голову, выбивая последнюю почву под ногами.

Я не могла умереть. Нет. Точно не могла... Или могла? Если все же так и есть, тогда происходящее вполне объяснимо. Я пребываю в тяжелой коме и вижу сладкий сон. Да, скорее всего так и есть. А если нет? Если все это происходит со мной на самом деле? И я действительно жена этого опасно-красивого мужчины и мать его ребенка. Что тогда?

Но пока какие-либо выводы делать рано. Как учил отец – сначала необходимо проверить обстановку, найти причины, а уже потом строить догадки и делать выводы. Да. Так и поступим.

Приняв решение, посмотрела на мужчину. Он как стоял не шелохнувшись, так и продолжал прожигать меня своими голубыми глазами. Выдержав испытывающий взгляд, встряхнула головой и прошла вглубь комнаты. Там меня уже поджидала Агата с большим баннным полотенцем.

Ванная встретила меня приятным ароматом лаванды, спокойствием и теплыми парами, исходящими из... Ну не знаю, если для них это ванна, то для меня это самый настоящий бассейн. Кому,

скажите мне на милость, нужны такие огромные размеры купальни? Лично мне хватило бы даже самого обычного тазика, молчу уже про обыкновенную керамическую ванну.

Хотела уже озвучить назревший вопрос, как вспомнила кому принадлежат эти покои, и закрыла рот. Молча прошла по необычно теплому полу – у меня дома плитка всегда была холодной, сколько бы ее не подогревала, а тут прям чудо какое-то.

– Лорд предпочитает более холодные приемы ванны, но для вас он всегда кипятит плитку, – поняла мой вопрос Агата.

Кивнув, все же решила уточнить.

– Агата?

– Да, миледи.

– Простите, а как вас по-батюшки?

– Миледи, для вас просто Агата, – поспешила она добавить, но поймав мой настойчивый взгляд, все же сдалась. – Авдосьевна.

– Очень приятно, – улыбнулась ей. – Скажите, Агата Авдосьевна, а сколько лет я живу с этим мужчиной?

– Ох, батюшки! – женщина схватилась за сердце. – Да, вы голубушка ничего-с не помните!

– Что-то вроде того, – кивнула.

– Полгода, – наконец ответила Агата.

Полгода? Я же не ослышалась? Нет, я слышала, что забеременеть можно и сразу после брачной ночи, но чтоб на практике проверить – времени, да и желания не было.

– А месяц, – сглотнула, – какой?

– Третий, милая, – и вновь клыкастая улыбка.

– Третий, – прошептала. – А он времени зря не терял.

– Что вы такое говорите? Вам не подобает даже думать об этом!

Стоп. Она что попыталась меня упрекнуть в том, что я начала разговор о сексе? Смешно. И сколько их здесь таких неженков.

Пройдя мимо растянувшегося во всю стену зеркала, краем глаза заметила нестыковочку. Остановилась. Повернулась. И скинув одеяло с плеч, ужаснулась. Это была не я. Совсем. Белокурые локоны были сплетены между собой и напоминали воронье гнездо. Маленькое белое личико с впалыми щеками, узенькими бледными губками, зато с большими карими глазами. Последние кстати были моими. Шея худая, плечи тонкие, руки, как и ноги, хоть и длинные, но были похожи на

соломинки. Грудь небольшая, можно сказать, она единственная вместе с глазами выделялась на всем этом бледном, забитом и исхудавшем теле.

«И кто ж тебя так изуродовал? – разглядывая выпирающие кости, спросила отражение. – Кто так издевался над тобой?»

Множество вопросов крутилось в голове, зато теперь я прекрасно понимала почему эта девушка решила утопиться – она бы просто не вынесла ребенка. Только бы живот начал расти, только бы ребенок начал бы поглощать больше пищи, чем раньше – она умерла бы так и не дождавшись родов. Она просто не хотела рисковать, вот и выбрала самый наилегчайший путь – самоубийство. Жестокая правда. Но раз уж я здесь, то приложу все силы, чтоб развивающаяся внутри меня жизнь выросла крепкой и сильной, как ее отец. Отец...

– Агата Авдосьевна, вы же все знаете: про этого мужчину, про это место, про меня в конце концов. Расскажите, пожалуйста.

– Как пожелаете...

Спустя два часа приема ванны и экспресс курса по истории, я многое, что для себя узнала. Во-первых, девушку, в чье тело меня по воле судьбы закинуло, звали Олимпия Сильва. Ей было всего восемнадцать на момент свадьбы с лордом Гордоном, которого не смутило взять в жены нищенку из самых бедных и обходимых стороной мест королевства Вавилон. Мужик, конечно, молодец. Но что-то мне подсказывало, у него были свои планы на этот брак, и они явно были не в пользу невесты. Во-вторых, муж Олимпии – лорд Северус Гордон – племянник самого императора и сын героини войны – войны, кстати, в этом мире происходили чуть ли не каждый день. Мужчина знатный, жених богатый, но скверный его характер, холодность и замкнутость отталкивали представительниц слабого пола. Оно и понятно. Рядом с расчетливым мужиком должна быть мудрая и знающая себе цену женщина. А если здесь все такие нежные и хрупкие, то очень даже понятно, почему он выбрал именно Олимпию – она не попросит лишнего, будет послушной и никогда не изменит мужу. Хороший выбор, расчетливый.

Что же за человек такой, лорд Гордон? Что же он задумал?

– Агата Авдосьевна, могу я вам доверять?

– Конечно, миледи, – совершенно серьезно ответила женщина.

– Тогда давайте для начала представимся, – протянула ей руку.

От этого жеста камеристка опешила. Ее лицо вытянулось, а глаза округлились до размера пятирублевой копейки.

– Миледи, леди не свойственно мужская манера приветствия. Да и знакомиться нам не за чем – мы же уже полгода знакомы.

– Агата Авдосьевна, забудьте, пожалуйста, при мне все правила приличия и этикета. И уж если мы решились доверять друг другу, то стоит для начала признаться вам, что я не Олимпия. Меня зовут Янетта Драгунова. Конечно, мне восемнадцать, но замуж выходить я не планировала как минимум до двадцати семи.

И что думаете? Она не поверила.

– А я говорила лорду, нужно было успокоительного давать, как лекарь прописал, – и перекрестилась.

– Агата Авдосьевна, я правда не ваша Олимпия.

– Не верю, – встала в позу женщина. – Любимый цвет?

– Синий, черный, – пожала плечами.

– Животное?

– Кошка.

– Наряд?

– Майка, джинсы и ботинки!

А еще кожаные куртки, шарфы, толстовки и многое другое, что делало меня похожей на пацана. Нет, а что? Почему это мужики должны ходить в чем душа хочет, а женщины обязаны носить сковывающие платья, которые, как считает общество, подчеркивает их женственность. Это не справедливо.

– Ах! – Агата вновь схватилась за сердце. – Вы точно не моя леди. Но как?

– Самой хотелось бы знать, – призналась.

– Агата, моя жена готова? – послышался спокойный голос моего муженька.

– Еще пару минут, – спохватившись, крикнула женщина. После чего принялась судорожно метаться по ванной, бормоча что-то неразборчивое себе под нос.

Пожав плечами, открыла дверь купальни и предстала перед ледяным спокойствием мужа.

– Миледи, вы бы хоть прикрылись! – за мной выбежала Агата, держа в руках белый халат.

– Зачем? – искренне удивилась я. – Разве мой мужчина меня еще не видел голой? Как тогда, по-вашему, я забеременела?

– Миледи! Как пошло!

– Агата, ты сказала, что вы почти закончили. Будь любезна покажи мне в каком это месте?

– Северус, а почему бы тебе не прекратить давить на эту милую женщину. В конце концов я не маленький ребенок и одеться могу сама, – сложила свои худые руки на маленькой груди.

– Возможно, вы позабыли моя дорогая жена, но разве мы не договорились обращаться друг к другу на «вы»?

– Ах, да? Возможно-возможно. Простите, мой дорогой муж, что обидела Вас, – специально выделила последнее слово. – Но и вы будьте так любезны и оставьте мою горничную в покое. К тому же она уже не молода. Ах, да. И на вашем бы месте, я бы давно сделала ее экономкой – Агата Авдосьевна того заслужила.

После небольшой тирады развернулась к мужу спиной и, подойдя к шкафу, стала выбирать наряд. Боже! Какие здесь уродские вещи. Корсеты, пышные юбки, несчетное количество подолов и туфель на все случаи жизни. Кто это вообще придумал? Это же невозможно носить! Все такое большое, блестящее и неудобное. И как только девушки соглашаются в это влезать?

– И как прикажите это надевать? – высунув противного розового цвета платье – оно было единственным свободного кроя.

– Очень просто, миледи, – тут поспешила помочь Агата.

– Ты в ночнушке не пойдешь, – совершенно спокойно отрезал лорд.

– Да? Это еще почему?

– Я запрещаю тебе, – он вообще когда-нибудь выходить из себя?

– Знаешь, что, муженек? – ему не понравилось, это было видно по ледяному блеску в глазах. – Указывать будешь собаке, а я свободная женщина и вправе сама решать, как, что и куда надевать. Уяснил? А если тебе что-то не нравится – становись в очередь, – после чего достала из шкафа другое платье, на этот раз более темного оттенка, и, оборвав пышные рукава, лишние кружева и чуть укоротив подол, надела его. И провожаемая ледяным взглядом голубых глаз покинула покои его высочества.

То же мне нашелся командир! И без него указов хватает. Туда не ходи. То не пей. Это не делай. Не смей это надевать. А-а-а! Как же бесит! Им что больше заняться нечем, кроме как меня поучать? Всю жизнь меня учат, как общаться с людьми, куда стоит ходить, куда нет, как одеваться, чтоб тебя не посчитали бомжихой. У меня только один вопрос: Какого черта я родилась, если кто-то может прожить мою жизнь за меня? Для чего тогда нужна я, если все всегда решают за меня? Что я на самом деле?

– Эй, осторожнее! – резкий женский голос эхом прозвучал в голове.

– Сама смотри куда прешь! – огрызнулась.

– Что вы себе позволяете?! – здрасте, пожаловали. А вас, между прочим, никто и не звал.

Встретившись с ледяным спокойствием мужа, передернула плечами, но взгляд выдержала. И не с такими жизнь сталкивала.

– Вам-то какое дело?

– А я говорила тебе, сын.

Ах, вон оно что. Свекровушка пожаловала.

– Мама, не начинай.

– А я и не начинаю. Я просто констатирую факт, – встряхнула женщина, в возрасте которой необходимо дома сидеть, а не шараться по гостям. – И вообще, девушку нужно выбирать из состоятельной семьи. Там и манеры, и воспитание, и красота, – она обвела мой наряд брезгливым взглядом. – А то сначала приведешь в дом невесть кого, а потом жалуешься, что она вульгарно одевается, ни морали, ни этики не знает. Дам тебе совет, сын мой, разведись. Поверь материнскому сердцу, Алия тебе подошла бы больше, чем эта замарашка.

Все это время, пока свекровь говорила, мой муж стоял и молчал. Его лицо не выражало ни одной эмоции. В глазах не читалось ни одной мысли. Складывалось впечатление, что ему совершенно плевать на эту девушку. В данное время меня. А может так оно и есть? Может он согласен со своей мамочкой?

Пф, тоже мне, мамсик. Чуть что сразу за мамину юбку? Ну-ну, дерзай. Вот только я не позволю, чтоб со мной обращались, как со скотом.

– Милочка, если вам что-то не нравится, пойдите прочь, – как можно мягче намекнула женщине, что ей тут не рады, – и не портите

своим недовольством здешнюю атмосферу.

– Агата, как вы допустили такое? Вы обязаны были перевоспитать эту нахалку, а что сделали вы? Недоглядели!

– Миледи, вы не должны... – начала Агата, встретив мой взгляд. О-о, а он был готов испепелить любого находящегося в этой комнате. Ибо все это мне уже знатно поднадоело. Аристократы, высшее общество. Тьфу! Сплошные высокомеры и лицемеры.

– Агата Авдосьевна, помолчите, пожалуйста, – укоризненно посмотрела на неё. – А вы, как вас там, не помню, держите свой поганый, светский язычок за зубами. Ибо в следующий раз, когда вы только подумаете, как побольнее оскорбить кого-то, клянусь, я вот этими руками вырву его вам.

– Это угроза? – чуть опешила женщина.

– Я никогда не угрожаю, мисс. Я лишь предупреждаю.

– Что за дерзость!

– Дерзость – это вы. А я – справедливость. Запомните, матушка, я никому никогда не позволю поливать грязью меня и дорогих мне людей. И коль это принято в стенах вашего особняка, пожалуйста, унижайте свою прислугу, возвышайтесь над ними, но только не здесь. Сейчас вы находитесь в моем доме, так будьте любезны выполнять мои правила!

– Да что ты себе позволяешь, девчонка! – свекровь уже не могла сдерживать свое равнодушное выражение лица. Вены набухли. Лицо покраснело. Её грудь энного размера часто вздымалась вверх. Она была зла. Вот только мне было плевать на все ее чувства. Она позволила себе оскорбить человека, который ей на протяжении многих лет служит верой и правдой. А для меня нет более гнилых, черствых людей, чем те, кто унижает всех непохожих на себя.

– А если вас что-то не устраивает, *arrivederci*, – и указала на входную дверь. После чего, одарив мужа убийственным взглядом, сама вышла в сад.

Этот голубоглазый у меня еще попляшет! Развода захотел? А черта с два тебе, а не развод!

Север

Я не узнавал свою кроткую, невинную и вечно шарахающуюся от собственной тени жену. За эти полгода брака я настолько изучил девушку, что даже мог спокойно предвидеть, что она испытает в тот или иной момент. Но сегодня что-то пошло не так. Точнее это началось еще вчера, когда Олимпия бросилась в воду. Но кардинальные изменения произошли с рассветом.

Та забитая жизнью девчонка никогда бы не пошла против моей воли, мало того, она бы ни за что не рискнула бы перечить моей матери. А эта девушка с яркими цвета топленного шоколада глазами была способное на многое. Чего только стоит ее выход нагишом из купальни. Моя жена никогда бы так не сделала. Она и спать-то со мной в одной комнате стеснялась, а тут на те, представление. Хотя... если не брать в расчет ее сильную худобу и выпирающие кости, я бы даже загляделся и, не постеснявшись Агаты, взял бы эту кареглазку прям там.

– Это ты виноват! – ворвался в мысли мамин голос. – Совсем распустил девчонку. Теперь смотри какой она стала. Грубиянка. Невежда. Продажная тварь!

– Мама! – мне совсем не нравилось, как она отзывалась о моей жене. Пусть даже наш брак – чистый договор. Пусть я не знаю ту женщину, которой вдруг стала Олимпия. Но я никому не позволю унижать мою женщину.

– Что мама? – развела женщина руки. – Что?

– Поезжай домой. Ты уже увидела все, что хотела, – пошел вслед за гордо ушедшей женой, бросив через плечо. – Карета уж ждет.

Девушка нашлась у фонтана. Она сидела на бортике, свесив ноги в кристально-прозрачную воду. Сама же Олимпия смотрела на небо, где плыли белоснежные облака.

– Здесь красиво, – не оборачиваясь, произнесла она.

– Зимой тут еще краше, – прошептал, присаживаясь рядом. – Олимпия, – прикоснулся к ней.

– М-м?

– Вы же не забыла наш уговор?

– Какой? – она продолжала смотреть вверх.

– Как только вы родите, мы тут же подадим на развод, – после этих слов щеку пронзило тысячами иголок. Кожу зажгло.

– Да пошел ты! – как кошка, прошипела девушка. – Думаешь, я оставлю своего ребенка в таком месте, где его будут вечно попрекать и унижать? Считаешь, что сможешь справиться сам. Или ты надеешься развестись со мной, а следом тут же жениться на, как там ее, Алии, кажется? Не так быстро, мой лорд. Я не оставлю это дитя.

– Это не тебе решать, женщина. Этот ребенок мой!

– Он мой! – ее глаза наполнились кровью. – Это мне вынашивать его девять месяцев. Мне рожать его несколько мучительных часов. Не тебе, мужик. Так заруби себе на носу, развод ты не получишь! Даже и не мечтай. А жизнь я тебе подпорчу знатно. Вот увидишь!

С этими словами она выбралась из фонтана и поспешила скрыться за деревьями. Вот только я оказался быстрее. Аккуратно, чтоб ненароком не сломать хрупкое тело, схватил жену за руку и, резко развернув к себе лицо, впился в ее тоненькие губы страстным поцелуем. Чуть поколотив мою грудь кулачками, девушка все же ответила. Она забирала, впитывала меня всего и отдавала в сотни раз больше. Это заводило меня, выбивало всю почву под ногами. То, как она прижималась ко мне, как запускала свои тонкие пальчики в волосы, спутывая их. Все это дарило ощущение близости, но не той, что обычно происходит под покровом ночи. Это было другое чувство, совершенно иная близость. Сминая женские губы, которые поглощали мои также страстно и уверенно, я пришел к мысли: «А что, если эта девушка не моя жена?» Но я тут же подавил в себе этот бред.

– Еще ни одна женщина не поднимала на меня руку. Ты первая, моя дорогая женушка, – шептал ей прямо в губы и вновь целовал их.

Когда же воздуха стало не хватать, отстранился от женского лица и заглянул в большие шоколадные глаза. А у моей жены они были голубые...

Роза

Могла ли я ожидать, что холодный, равнодушный к своей жене мужчина перехватит её в попытке скрыться от него и, притянув к себе, поцелует? Честно сказать, нет. Я была готова ко всему: крикам, ледяному равнодушию, – но точно не к этому. Его горячие губы обжигали тонкую кожу. Его широкие ладони скользили по худым плечам, даря защиту и тепло. А мужское начало требовало продолжения. И я бы отдалась ему, сама бы в конце концов оседлала этого мужика с шикарной шевелюрой...

Но внутри меня, забившись в самый темный угол, сидела и плакала маленькая девочка, мама которой бросила её в тот самый момент, когда она была так нужна. С того дня моя жизнь круто изменилась. Вот только мамы с тех пор уже не было. Хотя что так скрывать, её не было и раньше. Ей всегда было на меня плевать, она никогда не интересовалась моей жизнью, словно меня не существовало. Стоило мне только начать рассказывать, как прошёл мой день, как она грубо прерывала мою речь:

– Янетта, я не желаю слушать твой бубнёж. Иди к себе в комнату.

Это было единственно, что я слышала от неё. Жестоко, не правда ли? Именно в таком мире я жила. Жестоком, грязном, несправедливом. В тот день, когда со мной случилось несчастье, а я сидела в дальнем углу комнаты и билась в чертовой истерике, последнее, что сказала мама, было:

– Либо эта шлюха выметается из моего дома, милый, либо уйду я. Ибо я не потерплю рядом с собой эту грязную, неблагодарную паршивку!

Отец, конечно, выбрал меня. Он всегда любил меня, заботился и помогал мне. Он каждый раз, когда случалась какая-то беда, трагедия, хоть что-нибудь, был рядом, поддерживал и был готов разорвать любого, кто тронет меня хоть пальцем. Я благодарна ему за это. За его твердое плечо, что всегда подставлялось, когда на глазах наворачивались слезы. И в тот вечер оно было рядом. Я чувствовала его запах дорогих сигар и мяты – два несовместимых аромата наполняли мои легкие, даря ощущение тепла и защиты. Сидя тогда в

объятиях отца, я приняла для себя жизненно важное решение: никогда в жизни я не поступлю также, как собственная мать. Я буду делать все, что в моих силах и даже больше, лишь бы мой ребёнок чувствовал себя любимым и нужным.

– Руки убрал, – ещё хриплым от поцелуя голос попросила мужа.

Естественно, Северус ждал другого – об этом говорило его заведенное тело. Вот только мне было на это плевать.

– Я тихо сказала? Может мне повторить? – посмотрела прямо в его голубые глаза, в которых застыло ледяным комом удивление. – Руки уб-рал, – прошипела ему в губы.

Мужчина послушался. Молча освободил моб талию от своего крепкого захвата. Даже отошел на пару шагов – видать боялся спугнуть. Ха-ха, как мило с его стороны. Он бы ещё извинился за свою несдержанность.

– Прошу меня простить, моя дорогая супруга, за этот страстный и совсем не к месту порыв, – мужчина слегка поклонился.

– Да чтоб вас всех! – топнула. – Ты бы ещё попросил прощения за то, что оплодотворил меня!

– Приношу свои глубочайшие извинения, – снова поклон.

– К черту все твои извинения и поклоны! К бездне все эти правила, воспитания и этикет! Туда же отправь и свой чертов договор. И если я ещё хоть раз услышу, что ты собираешься оставить моего ребенка без матери, клянусь этим чертовым миром я самолично выбью из тебя всю эту дурь!

Сделала глубокий вдох. Выдох. Выпрямилась. И с гордо поднятой головой обошла мужа, и пошла обратно в замок. Нужно было составить рацион питания, вызвать врача, проконсультироваться с ним и перебрать весь гардероб. Последнее меня совсем не устраивало.

Боже, как же неудобно в этих платьях!

Так и прошла вся вторая половина дня. Агата Авдосьевна вызвала лекаря, с которым мы обсудили все возможные причины худобы этого тела (наверное, стоит начать говорить моего). И знаете, что? Мне они совершенно не понравились. По словам целителя, все эти изменения организма вызваны сильными стрессами, переживаниями, голодом и ядовитым для эмбриона лекарственным средством. Вспомнив, что

Агата с утра упоминала про успокоительное, я решила уточнить про его состав. Вы не поверите, что мне ответили:

– Кто вам прописал это? – глаза лекаря поползли на лоб, когда служанка принесла прозрачный бутылёк с зеленоватой жидкостью.

– Когда миледи только приехала к нам, она была не в лучшей форме: ночью ее беспокоили кошмары, днем она ходила всегда взвинченная и шарахалась ото всех и вся. Тогда Алифия, наша экономка предложила лорду пригласить целителя, который и выписал ей это лекарство.

– Лекарь не мог выписать леди Гордон этот препарат, – ужаснулся мужчина.

Вот так мы и узнали, что все эти полгода меня медленно убивали в собственном же доме. Погладив еще плоский животик, я решила спросить врача о состоянии своего малыша. Оказалось, растущий внутри меня эмбрион – ребенок очень сильный и весь пошел в папочку. А раз мама хочет, чтоб малыш был крепок, то и питание должно быть соответствующее. Как потом объяснила Агата, мой муж не был человеком. Этот голубоглазый мужчина с белокурыми волосами был сильнейшим снежным магом – а я-то все думала, откуда в нем такая холодность, а тут оказывается все просто, кому-то не хватает снега. Вот и ребенок магического происхождения. Магию малыша определить пока трудно, все же он еще не начал полноценно расти, но помочь ему в накоплении нужных сил я просто обязана. А в этом мне как раз Агата и помогла. После двухчасового осмотра лекаря и составления нужных гимнастики и отдыха, мы приступили к составлению нашего рациона – мою кровиночку надо же чем-то баловать.

Блюда мы выбирали четко по рецепту врача: что можно, нельзя, какие продукты дадут больше эффекта, какие нет. Именно за этим нас и застал мой муж.

– Что вы тут делаете? – вопрос явно был адресован мне, но я все еще не могла простить ему этот ничтожный, но очень жестокий брачный договор.

– У миледи появились пожелания насчет подаваемых блюд, – приняла весь огонь на себя камеристка.

– Она могла сделать и в комнате или попросить позаботиться об этом Алифию, – все тот же спокойный голос.

– По словам миледи, экономка отказалась выслушивать ее, – Агата продолжала наступать, вот только на долго ее не хватит – уж слишком сильно он запугал здешних слуг.

– Интересно, почему? Алифия никогда бы не пошла против слов хозяина, – мне или показалось, или его губы дрогнули в усмешке?

– В том-то и дело, Северус! Хозяин здесь ты, а я чисто так... приживалка. Всего на всего сожительница, залетевшая по чистой случайности. Я же здесь никто. Ноль. Дырка от бублика. Не больше. Кроме Агаты Авдосьевны меня никто в серьез не воспринимает, никто не считается с моим мнением. Знаешь, я начинаю понимать, почему Олимпия бросилась в воду. Вы все затравили ее, убили в девочке последнюю каплю жизнелюбья. Вам только за радость, а она страдала в этих стенах, медленно умирала на твоих глазах, но ты не видел этого. Никто не видел. И та попытка самоубийства – чисто ваша вина, – только последнее слово соскочило с языка, как я осознала, что только что сказала. – Твою ж!

– Мой лорд, у вашей жены все еще шок. Прикажете принести успокоительного? – в дверях показалась та самая Алифия.

– И чего ты молчишь? – посмотрела в упор. – Тебе же задали вопрос – так отвечай. Чего медлишь. Ты же здесь главный, сильный. Давай, напичкой меня успокоительными, еще какой-нибудь отравой. Может хоть тогда тебе не придется жалеть, что взял это хрупкое, жалкое тело в жены. Быть может, ты тогда поймешь, какого это потерять самое дорогое, что у тебя было. Ибо после еще одной порции ваших чертовых зелий у меня случится выкидыш, – я не блефовала, говорила все так, как говорил целитель.

– Змея! – сквозь зубы прошипела экономка.

Как там говорится в пословице? Порой полезно сымитировать крушение корабля, чтобы с него сбежали все крысы? Похоже одна все же решила показать свою остренькую мордочку.

– Яда, – поправила зеленоволосую, длинноногую экономку, место которой в каком-то борделе, но явно не в управляющих должностях.

– Что? – ее белый глаз начал дергаться.

– Меня зовут Яда, а не змея, – мило улыбнулась ей. – Алифия, и коль у вас проблемы с нервной системой, пропейте курс успокоительного. Может он вам поможет?

– Да вы!.. Да как!.. – ее зеленоватая кожа залилась краской. – Мой лорд! Это же хамство чистой воды. Вам следует наказать свою благоверную как можно скорее! Совсем совесть потеряла.

– То, что сказала моя жена, правда? – ледяное спокойствие окатило всех присутствующих в столовой.

Не коснулось оно только меня. Я совсем не боялась этого мужчины. Я знала, что несмотря ни на что, Северус Гордон будет на моей стороне. Это в его интересах оберегать и заботиться о сохранности своей жены. Без меня ему не видать наследника. Так что придется ему терпеть меня пока плод нашей «нелюбви» вырастит и создаст свою семью. А там уже и посмотрим. Может у нас все стерпится, слюбится. Кто знает. Кто знает...

– Мой лорд...

– Отвечай, Алифия.

У-у, аж дрожь берет.

– Я задал вопрос, – уже с нажимом проговорил муж.

– Да. Это правда, – проскулила девушка, склонив голову.

– Зачем? – в глазах Северуса стоял лед. Самый настоящий айсберг. Я все своим нутром чувствовала его силу, мощь. Его магия витала в стенах этого замка. Она цепями окутывала провинившуюся экономку.

– Я спросил: «зачем»?

– Чем быстрее меня не станет, тем быстрее освободиться место рядом с тобой, – сухо оповестила мужчину.

Я не смотрела на него, не смотря на нее. Все мои мысли крутились возле того, что все мои догадки подтвердились и эта девица действительно желала смерти моему малышу.

– Змеюка! Тебе никогда не стать достойной любви нашего лорда! Ты как была пустышкой, такой ей и останешься! – и она, схватив нож со стола, бросилась на меня. Вот только муж оказался быстрее. Своей магией он сковал девушку, не позволив ей сделать и шаг в мою сторону. Все произошло с такой скоростью, что я даже испугаться не успела. Вот зеленоволосая экономка стоит у двери. Миг. И она уже покрывается инеем, превращалась в самую обыкновенную ледяную скульптуру.

– Милый, – положив на широкие плечи мужа худые ладони, привлекла его внимание, отметив, что сам мужчина был очень

напряжен. – Не нужно. Эта девушка того не стоит, – обхватила его сжатые кулаки.

– Она хотела убить тебя, – просвистел он.

– Думаю, она уже все поняла, – тепло улыбнулась ему, глядя в глубокие голубые глаза, на дне которых плескалось беспокойство. Мне было бы приятно, если бы я не знала, что эти переживания принадлежат только моему малышу. Ведь если бы не он, лорд Гордон позволил бы убить меня. Или нет?

– Хорошо, – было видно, как тяжело ему далось это «хорошо». Но все же муж разжал свои руки, обхватив ладонями мои. Вместе с этим магия, сковывающая девушку, развеялась, осыпаясь на пол глыбами снега.

– Спасибо, – прошептала, аккуратно высвобождая свои пальцы.

Мужу, конечно, же это не понравилось, и он перехватил мою ладонь. Вот только не он один может настаивать на своем. Одарив мужчину взглядом, не предвещающего ничего хорошего, дала ему понять, что все еще зла на него. Северусу осталось лишь смиренно раскрыть ладонь.

– Строишь из себя святошу? – поднимаясь на ноги, спросила девушка.

– Я не святая и никогда ей не была, – пожала плечами. – Да и, если честно, это скучно.

– Думаешь, призналась в своих грехах и теперь тебя примут, как родную. Да тебя никогда здесь не примут. Ты навсегда останешься никому не нужной игрушкой. Рано или поздно нашему лорду надоест играть в заботливого дядечку и тебя вышвырнут также быстро, как ты попала сюда. Тебя даже замуж взяли чисто из жалости.

Я сдерживалась. Честно, держала себя, как могла. Вот только сил все это выслушивать больше не было. Собрав последние остатки силы в кулак, я хорошенько заехала им в челюсть одной слишком болтливой особе. Та от неожиданности попятилась. Когда же она подняла свой испуганный взгляд на меня, я заметила кровавую полоску на ее скуле – так ей и надо.

– Знаешь, Алифия, не тебе решать, как сложится моя жизнь, – разминая потянувшее плечо, открыла ей глаза. – Но ты этого даже не увидишь. Уж я об этом позабочусь.

– Убьешь меня? – она все еще пыталась казаться смелой, но ужас, застывший в ее глазах, выдавал ее с потрохами.

– Это слишком просто, – и такая убийственная улыбка коснулась моего лица, что бывшая экономка от страха присела на пол.

Подойдя к девушке, я лишь пожелала ей легкой дороги, после чего попросила Агату Авдосьвену провести меня до комнаты. Сил на самостоятельное передвижение у меня не осталось. Это тело было слишком слабым. Мышцы ныли. На костяшках тут же всплыли синие пятна. А глаза наливались кровавой пеленой. Организм требовал отдыха и покоя.

Нет. Я так больше не выдержу. Нужно срочно что-то с этим делать!

Север

Эта девушка с каждым часом удивляла меня все больше и больше. Она не сидела в комнате, закрывшись, не ревела в подушку, как раньше это делала. Наоборот, жена оказалась на кухне и уверенно говорила о своих пожеланиях, словно все так и должно было быть. Она не отбивалась от меня, когда я подходил – она просто игнорировала мое присутствие. И эта ее отстраненность обжигала меня, злила, но мой статус и гордость не позволяли показать свои истинные чувства. А потому мне оставалось лишь незаметно сжимать кулаки и прожигать в присутствующих в столовой дырки.

Вот только жене моей было на это плевать. Она как сидела ко мне спиной, так и продолжала делать вид, что не замечает меня. Но стоило мне завести разговор в сторону нашей экономки, как Олимпия сорвалась.

Впервые я видел жену в такой ярости. Её взгляд метал молнии, а слова резали острой ножа. Она говорила и говорила, все это время прямо смотря мне в лицо. Этот блеск в глазах я никогда не забуду, может именно он и повлиял на наши отношения в дальнейшем, а может ее чистосердечное признание сокрушительной волной смело все мои подозрения. Эта была не моя жена.

Олимпия совсем не была похожа на ту, которая стояла посреди кухни, сжав ладони в кулаки, и осыпала всех градом словесной информации.

«Яда», – в голове до сих пор звучал ее ровный, слишком спокойный после всплеска эмоций голос. Если бы я не был собой, точно бы испугался такой ее резкой перемене настроения. А так. Мне было даже любопытно понаблюдать за ней. До тех пор, пока ясно не осознал, что она пыталась до меня донести. Моя жена не просто пыталась пожаловаться мне на экономку, она по фактам разложила каждый ее шаг, всякий содеянный ей поступок.

И страшнее всего было то, что Олимпия, точнее Яда, была права. Я сам давал ей ту успокоительную настойку, хоть и знал, что она не помогала от истерик. Я даже не интересовался ее здоровьем, списывая на усталость ее смертельную худобу. Кроме того, я собственными

руками убивал жену, а вместе с ней и своего наследника. И все почему? Мне было плевать – горькая, режущая без ножа, правда, кольнула сердце. Эта девушка за несколько часов разобралась во мне лучше, чем я за все свои долгие года.

Принимать это было трудно. Но еще труднее было распутать плетение магии и освободить от оков льда бездушную тварь, которая всем сердцем на протяжении шести месяцев изнутри разрушала нашу семью, а сегодня на моих глазах чуть не воплотила в реальность свои тайные желания. Но от ее убийства меня отговорила жена. Это хрупкое, еле дышащее создание имело большое и доброе сердце. На мгновение мне показалось – Олимпия вернулась. Но стоило той девице заговорить о принятии моей жены в семью, как супруга ударила Алифию, раздирая костяшками пальцев зеленоватую кожу нимфы.

– Убьешь меня? – прислонив ладонь к разбитой скуле, в ужасе спросила бывшая экономка.

– Это слишком просто, – все, что ответила ей жена. После чего она вместе с Агатой покинула кухню.

«Пусть сейчас отдохнет, а вечером мы поговорим о былом», – подумал, провожая супругу любопытным взглядом.

– Встань, – лед рвался наружу, требовал уничтожить эту ненормальную девчонку, но что-то ему мешало это сделать... Не что-то, а кто-то. Почему-то не хотелось идти против воли жены. Будто чувствовал, что могу обидеть ее, потерять ее доверие. Но прежде такого не было. Что же изменилось?

Встряхнул головой, отгоняя совсем ненужные в этот момент мысли. Не хватало еще влюбиться. Бррр.

– Я сказал: Поднимайся! – магию все же пришлось применить.

Заметив белый туман, ползущий из-за моей спины, Алифия как ошпаренная подпрыгнула и всем телом прижалась к стене.

– Слушайте мне все очень внимательно, – вернул голосу прежнее равнодушие. – Если я узнаю, увижу или услышу, что кто-то угрожает моей семье, в частности моей дорогой супруге, я не посмотрю на порядки и законы – истреблю всякого. Всем ясно, – магия давно обволокла кухню, заставив напрячься всех присутствующих.

– Да что ты в ней нашел? Кожа да кости и никакого шарма! – нимфа усмехнулась. – Она же даже не леди.

– Она моя жена, девчонка. И если хочешь, чтоб твой поганый язычок остался на месте, ты сейчас закроешь свой рот и уберешься отсюда куда подальше. На все про все у тебя три дня. И только попробуй попасться мне на глаза – ледяные стены тут же вернуться.

– Ик, – сглотнула она.

– Убирайся, – одарил девицу взбешенным взглядом.

Дважды уговаривать не пришлось. И через секунду уже слышал, как заскрипели ворота сада.

– Мой лорд, может чаю?

– Я разве похож на того, кто пьет чай? – сдерживаться было сложно. Магия рвалась на волю. Она истязала меня изнутри. Требовала поймать девчонку и преподать ей запоминающийся урок, после которого уже никто и никогда не рискнул бы угрожать моей семье.

– Нет, сир, – кухарка в страхе отступила. – Простите.

– Через два часа подайте ужин, – отдал приказ и со снежным вихрем покинул замок.

Задний двор встретил привычной тишиной и спокойствием. Именно здесь и в кабинете меня никто не беспокоил – золотое правило, нарушать которое было запрещено под страхом смерти. А боялись мне все. Даже здоровая часть королевства и то шарахалась при виде меня. Женщины прятались за спины своих кавалеров, а мужчины лишний раз старались не смотреть в глаза. И только одна маленькая, смертельно исхудавшая девочка отстаивала свое мнение, смотря прямо на меня. Каждый раз, когда ей что-то не нравилось, ее шоколадного цвета глаза прожигали во мне дырку. Иногда казалось, что она смотрит прям в душу, будто пытается что-то там разглядеть. А может она уже это сделала. Кто ее знает?

Лично я не знал эту женщину. Не знал, кто она, откуда, и как забралась в тело моей жены. Хотя с последним я переборщил. Не трудно догадаться, что их поменяли местами и без магии тут явно не обошлось. Вопрос в том, кому это понадобилось?

Накрыв двор бесшумным пологом, выпустил снег наружу. Магия заискрилась в воздухе. Замерцали снежинки. Все поле замело снегом. Метель кружилась, окутывая травы и деревья белой пеленой. На душе

в миг стало спокойнее. Ветер свистел со всех сторон, и это дарило ощущение свободы.

Скинув с плеч камзол, остался в одних брюках. Снег окутал все тело, покрывая кожу ледяной коркой, словно броней. Магия знала, что мне нужно было, и без колебаний помогала мне в этом. Ледяные фигуры, похожие на образы моих врагов, со всех сторон атаковали, нанося смертельные удары. Стихия меня не жалела – это было не в ее интересах. Она гоняла меня лучше многих преподавателей престижных университетов. Она выжимала из меня все соки, подтачивая тело, заостряя меч и закаляя дух.

Пришел в себя, когда уже начало смеркаться. Сразу поняв, что ужин я пропустил, а жена, наверное, заждалась или во все легла спать, заковал магию и в одних брюках пошел к покоям. Смущать-то теперь некого.

В голове тут же всплыл образ, когда супруга вышла из купальни обнаженной. Длинные, но давно потерявшие цвет волосы струились ниже плеч, прикрывая оголенную спину. Тонкая бледная кожа совсем не скрывала ее ребер и остальных костей в других частях тела. Она была такой хрупкой, что, казалось, стоит к ней прикоснуться, и она развалиться. Но это было не про нее. Несмотря на внешние данные, ее внутренний дух был тверд как сталь. Она не боялась отстаивать свое мнение, не стеснялась ходить передо мной обнаженной. Что я говорю? Эта девушка всего за несколько часов нашла крысу, которая прогрызала дно нашего семейного корабля.

Яда – не просто восемнадцатилетняя девочка. Она – идеал мечтаний. За весь этот день я понял одно: передо мной самодостаточная, уверенная и точно знающая, чего хочет, мудрая женщина. И именно это мне нравилось в ней, в новой версии жены.

– Спишь? – в комнату заходил тихо – боялся разбудить.

Мне никто не ответил. Тогда я прошел вглубь и зажег на столике свечку.

Каким же было мое удивление, когда вместо мирно спящей супруги, я обнаружил заправленную кровать. Обведя спальню взглядом, не нашел ничего и близко напоминавшее ее присутствие в этих покоях. Только нетронутый ужин красовался на краю стола.

– Агата, – позвал женщину.

Долго ждать не пришлось. Уже через пару минут в дверь постучались.

– Мой лорд, – служанка жены поклонилась. – Что-то стряслось?

– Это вы мне скажите. Почему я прихожу в свою комнату и не наблюдаю супруги?

– Мой лорд, девушка очень устала...

– Где она? – чуть повысил голос.

– Она не желает вас видеть, – выпалила та на одном дыхании.

– Ах, так значит, – протянул. – Причина?

– Она не объяснила, – трудно, когда люди отводят взгляд – никогда не знаешь, они говорят правду или нагло лгут?

– Пусть просыпается и идет ко мне. Негоже жене спать в другой кровати.

– Но...

– Выполнять!

– Как пожелаете, – женщина поклонилась и тут же скрылась за дверьми, чтоб через какое-то время вновь предстать передо мной.

– Ну?

– Она сказала, чтоб вы катились куда подальше со своими «я сказал», «я так захотел» и тому подобное. В общем, она уже спит.

– Так прям и сказала? – интересно, когда же я перестану удивляться?

– Не совсем. Она пока говорила, употребляла много неделикатных слов, которые воспитанной девушке должно быть стыдно произносить.

– Да? – теперь стали удивляться и брови.

– Да. Мой лорд, прошу вас не заставляйте меня повторять их. Это выше моих сил, – женщина начала теревить край своей юбки.

Какую же вы игру затеяли, женушка? Что же вами движет?

– Хорошо, – выдохнул. – Агата, вы свободны.

Кажется, только этого женщина и ждала. Она уже собралась закрыть за собой дверь, как я вновь окликнул ее:

– Агата, подождите.

– Да, мой лорд, – несмотря на то, что в комнате горела всего одна единственная свеча, я отчётливо разглядел, как дрожали ее плечи.

– Сегодня освободилось место экономки. Не хотели бы его занять?

– Почему я?

– Вы как никто подходите на эту должность. Вы лучше всех знаете этот замок, его прислуг. У вас теплые взаимоотношения со всеми в этих стенах. И моей супруге будет приятно видеть вас на этой должности. Ну что? Согласны?

– При всем уважении, мой лорд, я это делаю не ради вас, – и в этот момент Агата впервые посмотрела мне прямо в глаза.

– С завтрашнего дня приступайте, – кивнул и наконец-то отпустил женщину.

Оставшись в комнате один, быстро помылся, съел ужин. Вот только уснуть все никак не выходило. Сколько не поворачивался, все время чего-то не хватало. И лишь когда на улице стояла глубокая ночь, осознал, что не могу уснуть без манящих, прожигających душу шоколадных глаз...

Роза

Новый день в чужом теле начался с ароматного чая с корисой, сдобными булочками и малиновым вареньем. Также на столике оказался серебряный поднос с картошкой, мясом в сливочном соусе и небольшие бутерброды с сыром и колбасой. М-м, все, как дома.

Подскочив с кровати, с первого раза попала голыми ступнями в мягкие синие тапочки, закуталась в махровый халат, тоже синего цвета, и уселась за стол, придвинув поближе тарелку с аппетитно пахнущей едой. Не в силах больше глазеть на всю эту красоту – слюнки уже подбежали, – направила в рот вилку с еще горячим завтраком.

Свежо сваренная картошка теплом распространялась по телу. Мясо наполняло мышцы и весь организм недостающей энергией. Хлеб восполнял силы. А сладковатый чай сделал мой день.

Когда же я полностью довольная и сытая сидела, опрокинувшись на спинку покрытого теплой тканью стула, в комнату без стука вошел муж. И не будь я такой счастливой и сытой, точно бы швырнула в него эдакий серебряный ножечек, как пару дней назад, когда ночь я решила провести в отдельной комнате, а утром меня ждал сюрприз в виде официально одетого лорда Гордона.

- Собирайся, ты переезжаешь, – с порога заявил мне муж.
- И тебе доброго утра, – не стала забывать о приличиях.
- Собирайся, – с нажимом повторил мужчина.
- Зачем? – положив в сторонку кухонные приборы, посмотрела на мужа. – С какой стати я должна переезжать?
- Ты моя жена.
- И что с того? По-твоему, я должна по одному твоему жесту делать все, что ты только пожелаешь?
- Да.
- Нет, дорогой, не дождешься. Я не твоя прислуга и уж точно не собачка, которой прикажи, и она тут же поспешит выполнить твоё желание. Я свободная женщина, и я вправе делать все, что хочу. Хочу – живу в другой комнате. Хочу – гуляю по саду. Хочу – игнорирую тебя, – это ему не понравилось. Ух, как не понравилось. Вы бы видели

эти жутко суженные зрачки, радужка которых стала синее обычного. Казалось, он вот-вот мог слететь с катушек и заморозить меня, как чуть не поступил с Алифией.

На удивление он промолчал. Где-то с минуты столбом стоял, что-то обдумывал, взвешивал все за и против, но в конечном итоге просто схватил меня и потащил к выходу.

– Вы что себе позволяете? – попыталась выдернуть руку. Но куда уж там. – Отпустите меня!

– Моя дорогая, вам кто-нибудь говорил, что вы обворожительно прекрасны, когда сопротивляетесь?

Что он сказал?

– Все ваши усилия вырваться из моих рук так возбуждают.

Он резко остановился. Развернулся ко мне лицом и притянул к себе. Такая резка смена его настроения мне не понравилась. Не нравились и его руки, сжимающие мои бедра. Каждая его ласка была груба, жестока. Он сжимал тонкую бледную кожу, оставляя на теле синие следы.

– Отпусти, – упираясь ладонями ему в груди, просила его. Меня трясло, но его это совсем не волновало. Он продолжал свои грубые и совсем ненужные мне ласки.

– Никогда, – его губы сминали кожу шеи, ключиц, груди, оставляя уродские засосы.

– Прошу тебя, – уже взмолилась. Но он будто не слышал меня. Мужчина срывал с меня ненавистное платье – единственную защиту от него.

Когда же его руки накрыли мою обнаженную грудь, звонкая пощечина оглушила его.

– Убирайся, – ледяным спокойствием добила его.

– Яда? – он запомнил мое имя? Будь ситуация другая я бы порадовалась, но все было совсем наоборот.

– Выметайся! – подняла на него заплаканные глаза. – Я не желаю тебя больше видеть! Я ненавижу тебя! – слезы хлынули, обжигая кожу, разрывая душу на части. – Пошел прочь! – в ход пошло все, что только попадалось мне под руку. Расписная старинная ваза разлетелась на мелкие осколки, когда встретилась со стеной. Стул, статуэтки, столовый сервиз – все это с бешеной скоростью летело в одного

жестокого, бессердечного мужика, который каждый раз уворачивался от летящего в его сторону предмета.

– Подонок! Эгоист! Кабель! – оскорбления так и срывались с языка. – Только подойди еще ко мне, и я оторву твои яйца, после чего засушу их и повешу на веревочку, чтоб носить, как ожерелье и до конца твоей жалкой жизни напоминать тебе, какая ты мразь!

Когда сил ругаться уже не осталось, на их место пришла усталость и безысходность. Осела на холодный пол. Ноги не держали. Плечи содрогались. А слезы все шли и шли, обещая затопить всю комнату. Закрыв лицо руками, я попыталась успокоиться, но все было без толку.

– Яда, я...

– Уходи, – слабо прошептала.

– Прости меня, – в его голосе были слышны нотки сочувствия и сожаления. Но мне было плевать. Такое не прощают. За такое не грех убить.

Боль, беспомощность, разочарование сковывали меня. Внутри все сжималось. Страх не давал возможности даже пошевелиться. Воспоминания колом врезались в память, заставляя вновь пережить ту кошмарную ночь, в корне изменившую мою жизнь...

– Эта была моя порция, – мужчина улыбнулся, но встретив мой вопросительный взгляд, как улыбка сошла на нет.

– Кажется, я предупреждала, что сделаю, если ты заявишься в мои покои, – демонстративно сложила руки на груди, открывая ему вид на огромные синяки.

– Я хотел извиниться, – неуверенно начал он.

– За что же интересно узнать?

– Пожалуйста, не начинай.

– Что прости?

– Дай мне договорить, – мужчина сделал пару шагов ко мне.

Напряглась. Сама непроизвольно села ровно, очень внимательно наблюдая за каждым его движением – тело отчётливо помнило, как он с ним обращался.

– Прости... меня. Я... был не прав. Мне следовало держать себя в руках... и не позволять лишнего. Я прекрасно осознаю, что мой поступок... выходит за все рамки приличия, и, если б... если б ты

тогда меня не остановила, я бы даже не понял, что делаю. Роза, я... я совершил страшную ошибку, я это понимаю и готов понести любого рода ответственность.

Может, я чего-то в этом мире не понимала. Может, чего-то не знала. Но я точно была уверена в том, что этот мужчина, стоящий напротив меня и нервно сжимавший кулаки, говорил мне правду. Не знаю, как объяснить. Я просто чувствовала это. Видела, как ему тяжело давались извинения. Как он старался и подбирал слова. Мне было приятно видеть, как он переступает через себя и делает все, чтоб вернуть мое к себе расположение. Собранные всегда в хвост волосы, были запутаны и комьями свисали к плечам. В голубых глазах стоял страх, нерешительность. Плечи мужа были напряжены. Сам он стоял, как оловянный солдатик, подтянутый по струнке. Синий камзол был застегнут в невпопад. А белая рубашка не была заправлена в брюки. Благо, хоть брюки надел правильно.

Подойдя к мужу, провела ладонью по его щеке, которой в то утро сильно досталось. Прошла пальцами по шеи, вены которой набухли от волнения и напряжения. Под взглядом голубых, словно лед, глаз, расстегнула все золоченные пуговицы, пальцы уверенно справились с кожаным ремнем. После чего я заправила рубашку, прихватила пояс брюк ремнем и принялась правильно застегивать камзол.

– Так-то лучше, – прошептала, утягивая мужчину к кровати. – Сиди здесь, – усадила супруга на прикроватную тумбочку, а сама подошла к туалетному столику и, взяв расческу, вернулась к нему.

– Яда? – слегка удивленный муж позвал меня.

– М-м?

– Что происходит?

– Тебя нужно привести в порядок, – проигнорировала истинную суть вопроса.

– Я не это имел в виду.

– Север, я не твоя жена, не Олимпия, – начала совсем спокойно. – Я не знаю, может у вас было принято, чтоб муж обращался с женой, как со скотом. Но я другая, со мной такое нечеловеческое обращение не прокатит. Я скорее застрелюсь, чем позволю мужчине указывать мне, как жить; делать со мной все, что ему вздумается. Я в своем-то теле еле как справлялась с такими здоровыми мужиками, как ты. А тут у меня совсем нет сил на сопротивление. Север, я просила тебя

остановиться, умоляла отпустить меня. Ты даже представить себе не можешь, как трудно найти силы, когда тебя накрывает паника, когда все тело сковывает страх. И единственное, что ты можешь сделать – это наблюдать, как тебя трахает какой-то малознакомый упырь. Ибо никто не спешит тебе помочь – всем плевать. Окружающих забавляют, твои крики, мольбы, а твое чертово сопротивление лишь усиливает азарт того ублюдка.

Я уже давно перестала расчесывать густые белоснежные волосы мужчины – все мое сознание было далеко отсюда, в самой темной ночи моей жизни.

– Сколько тебе было? – тихо спросил муж. Он сразу понял, о чем идет речь и не пытался остановить меня. Лорд Гордон сидел ко мне спиной и внимательно слушал все, что я ему рассказывала. Боже, как давно меня кто-то просто выслушивал?

– Шестнадцать, – руки сами опустились вдоль тела.

У нас тогда был выпускной. Девятый класс. Вечеринка. Алкоголь. Танцы. И веселые одноклассники. Мы с подругой решили уйти пораньше. Она жила близко, поэтому я проводила сначала ее, а потом уже пошла домой. Ночь была теплой. Свежий ветерок раздувал мое нежно-розовое платье. Луна освещала дорогу домой. В какой-то момент я поняла, что за мной кто-то идет. Ускорила шаг. И за спиной прибавили темп. Тогда я пустилась бежать. На десятисантиметровых шпильках это было нелегко. Ноги то и дело спотыкались. Легкие, не привыкшие к таким нагрузкам, покалывали. Приходилось часто останавливаться, переводить дыхание.

Я завернула за угол, пытаюсь в темноте скрыться от этой черной тени. Но это было моей самой страшной ошибкой. Здесь меня и нашли. Грубо схватили за запястье. Сорвали сделанное на заказ платье, разорвали белье и резко вошли, разрывая стенки влагалища в кровь. Это урод смеялся и трахал. Трахал и смеялся. Его скрипучий голос звоном отзывался в моей голове. Он вдавливал в меня свой вонючий член, как ненормальный. Вбивал меня в кирпичную стену, раздирая кожу. Хватал за волосы, когда я отказывалась взять в рот его пенис.

Я кричала, звала на помощь. Но единственное, что я слышала, был смех. Жуткий, зловещий смех и громкая музыка, заглушавшая мои стоны. В какой-то момент я потеряла связь с реальностью. Мой мозг не выдержал. Сознание плыло. Но этот гаденыш не позволял

отключаться. Он бил меня по щекам, как только видел, что я теряю сознание. Но стояло мне очнуться, как он вновь резко входил и продолжал вбивать в меня. И так несколько раз за ночь.

Когда же первые лучи Солнца коснулись крыш, меня везли в больницу. Врачи долго меня обследовали. Сотрясение мозга. Большая потеря крови. Они были очень удивлены:

– Мы не представляем, как она до сих пор дышит.

Никто не представлял. А я не хотела представлять. Я хотела, чтоб этот ублюдок умер самой мучительной смертью. Желала, чтоб он страдал также, как я. Чувствовал то же, что и я.

– Яда? – муж аккуратно взял мои ладони в свои. – Я здесь. Все хорошо, – он притянул меня к своей груди легонько поглаживая затылок.

– Когда меня выписали, мать устроила скандал. Она не желала меня видеть, не хотела даже слушать, что я ей говорила. Лишь отец тогда был на моей стороне. Он единственный, кому было не все равно, кто был рядом и поддержал меня, – прижимаясь к теплой мужской груди, я дала волю чувствам и расплакалась, сжимая синюю ткань камзола. – Эта скотина за одну, бездна, ночь изменил мою жизнь, изменил меня и мое ко всему отношение. Я прекрасно осознала, что в этом жестоком, черством мире есть только один человек, способный за меня постоять и поднять меня на ноги – это я сама. Ибо всем плевать на проблемы окружающих, на все плохое, что с ними происходит. Всех интересует только собственное эго и мнение большинства.

– Тиш-ш, все позади, – муж гладил меня по волосам, спине. Всячески успокаивал, но говорить не торопился, давал мне возможность выговориться, выпустить наружу все свои страхи и переживания.

Спустя некоторое время слезы иссякли. Истерика высосала все силы. Глаза слипались и чесались. А тепло, исходящее от мужского тела, согревало и дарило непривычную защиту. Так я и заснула в кольце сильных рук.

Север

«Что со мной делает эта женщина? Бояться, топиться, снова бояться. Ругается, проявляет нежность и вновь ругается. Плачет, бьется в истерике и опять плачет», – я не понимал, что со мной происходит, но эта мирно спящая девушка, названная моей супругой, по-своему влияла на меня. Она смотрела своим карим взором прямо мне в глаза. Она не скрывала своих чувств, как это было принято в их женском обществе. Она посылала к черту всех, кто ей не нравился. И если честно, мне нравилась эта женщина, завладевшая телом моей истинной жены.

За её хрупкими плечами тяжелая ноша прошлого, сковываемо все её нутро, перекрывающее ей путь к кислороду. Я и не мог даже представить, что могло пережить это чудесное создание природы. Её волевой дух скрывал маленькую, беззащитную девочку, забитую где-то в темно углу подсознания и не выходявшую на свет уже много лет.

Глядя на прижимающуюся к моей груди жену, я поглаживал её сухие платиновые волосы и думал.

Мне, как порядочному мужу, следовало немедленно отправиться на поиски супруги, как только стало ясно, что Олимпия – не Олимпия, а незнакомка Яда. Но что, если судьба специально подбросила мне эту сильную, но очень ранимую девушку? Что если она и есть та самая, кого мне многие годы пророчили северные ветра?

*«И встретишь там, где не искал,
И полюбишь ту, которую убьешь.
А снежные ветра там среди скал
Укроют вас, её возьмешь.
Метель, пурга и ураган вас обручат
И души соединяться воедино...»*

Строки древнего пророчества всплыли в памяти, заставив тело напрячься.

Вспоминая за прошедшие шесть месяцев отрывками пролетали перед глазами. Трущоба. Свадьба. Новость о наследнике. Ледяная вода озера, из которого вытаскиваю побелевшее тело жены. Злость. Ярость. Руки сами тянутся придушить эту сумасшедшую, но Агата вовремя

останавливает. Утро. Больше для худого личика глаза цвета топленого шоколада. Первая мысль: «где её голубые, цвета летнего неба глаза?» Твёрдый, подстать мне характер. Неженская сила удара. Ранимая душа. И жестокое прошлое незнакомой, но такой родной мне женщины.

Кажется, пророчество сбылось...

Пройдясь пятерней по ее сухим, безжизненным волосам, взглянул на прикрытые серыми ресницами веки. С каждым днем силы все больше теряли ее. Она слабела на глазах. А ведь, если б я заметил это раньше, если бы вовремя одумался и проверил бы это лекарство, был бы шанс избежать всех этих ее изменений. Она умирала. Самой мучительной, медленной смертью. Она не заслужила такой участи. Но я собственными руками подтолкнул жену к краю.

– Не загоняйся, – тихий хриплый голос выдернул меня из размышлений.

– Что?

– Не накручивай себя, – женская узенькая ладошка погладила меня по щеке. – Ты не виноват в случившемся.

Ее большие карие глаза гляди так ясно, будто заглядывали в душу и читали каждый сантиметр моего внутреннего «я».

– Кто ты?

– Янетта Драгунова, но для друзей просто Яда, – она улыбнулась. – Вот мы и познакомились, дорогой муженек.

– Янетта, – попробовал ее имя, смакую каждую букровку, словно конфетку, на языке. – Красивое. Тебе оно очень идет.

– Спасибо, – ее личико приобрело чуть розоватый цвет – ну хоть какой-то признак жизни. – Правда, с данной внешностью оно совсем не совпадает.

– Зато с характером-то как.

– Что есть, то есть, – комнату оглушил звонкий смех.

– Яд...

– Мой лорд, к вам посетители, – двери в спальню супруги резко отворились, являя нашему взору моего помощника.

– Азель, тебя стучаться не учили? – злость хлынула с новой силой. А если б он разбудил девушку?

– Ничего страшного, – поймав мой обеспокоенный взгляд, Яда подарила легкую улыбку. – Иди.

– Отдыхай, я скоро приду, – поцеловав жену в лоб, отправился в свой кабинет. Семья – семьей, а государственные дела никто не отменял.

Вот только часа пройти не успело, как нашу мирную беседу с лордами соседних королевств прервали громкие голоса, доносившиеся из-за двери.

– Смотри куда идешь, баба? – бушевал сын старого друга – лорда Старка.

– Как ты её назвал? – голос жены послышался с коридора.

Переглянувшись с мужчинами, мы, не сговариваясь, вылетели из кабинета, чтоб застать интересную картину.

– Баба, она и на Западе баба, – любимая фразочка паренька огласила пустынный коридор, где кроме жены с Агатой и этого подхалима не было никого.

– Не могу понять – у меня что с самого утра слуховые галлюцинации? Повтори, пожалуйста, еще раз.

– Ба-ба, – медленно протянул представитель вампиров.

– А баба так сможет?

И, не обращая внимания на всех присутствующих, Яда врезала по морде взбесившему её пареньку.

– Дорогая, тебе не надоело со всеми драться? – усмехнулся, складывая на груди руки.

– Я не дерусь, – сделала вид, что разглаживает брюки. – А провожу воспитательный процесс.

Наблюдая за хрупкой, обтянутой синей тканью девушкой, все никак не мог привыкнуть к новому вкусу жены. Яда терпеть не могла платья, кружева, всякие яркие и блестящие ткани, что еще раз подтверждало, что передо мной не Олимпия. Но и заказывать что-то новое для себя она отказалась. Вместо этого девушка предпочла взять в оборону мой гардероб, и теперь ходила в моих костюмах. Благо хоть Атага уговорила жену подогнать вещи под женскую фигуру. А то ковылял бы по замку мешок, а не порхало созданное природой чудо.

– Ай! – это Яда схватила за ухо наглеца.

– «Бабой» девушку и старшую намного лет тебя женщину будешь называть в своих краях. Но сейчас ты находишься на моей территории, так что будь любезен следовать принятым здесь порядкам. Иначе

разбитым носом не обойдешься. Ты понял меня? – пока она говорила, парень все сильнее и сильнее оседал к земле – казалось, девушка вот— вот оторвет ему ухо.

– Понял, – проскулил парнишка.

– Вот и хорошо, – потерла та руки.

– Яда, что с твоими запястьями? – холод пробежался по спине – кто-то посмел навредить моей жене!

– Ой, снова закровоточили. Агата Авдосьевна, а где у нас бинты лежат?

– Кто это сделал? – ярость подступала к горлу. Магия рвалась наружу, требуя отыскать смертника и жестоко покарать его.

– Сама, – и такой беспечный ответ.

Гнев взял над разумом верх. А я, плюнув на гостей, схватил жену под локоть и впихнул в кабинет, заперев за собой дверь.

Роза

Только за мужем закрылась дверь, как грозная туча нависла надо мной. Прятаться от надвигающейся грозы было бессмысленно. Да и некуда – кабинет мужчины хоть и был большой, с высокими стенами и светлым потолком, но весь оказался заставлен на данный момент ненужной мебелью. Словом, куда бы я не шагнула, суровый взгляд мужа достал бы меня везде. Вот и приходилось пятиться, пока не встретила препятствие, а там все – попала.

– Яда, что это?

Муж смотрел на меня своими темно-синими глазами, но я видела в них самую Бездну. А потому стало жутко. По спине пробежал неприятный холодок. Взгляд метался из угла в угол, пытаюсь найти верный путь отступления. Мысли хаотично строили варианты развития сюжета. Вот только ни один из них не заканчивался счастливо.

– Кровь, – притворилась дурочкой. Нет, а что? Само то, для ловкого отвлечения внимания. Только я позабыла, что в мужья мне достался никто иной, как самый настоящий снежный лорд, которого обвести во круг пальца просто нереально. Он же сама снежность!

– Я вижу, что кровь. Откуда? – в глазах мужчины вспыхнул и тут же погас синий огонь.

Ой, папочки, надеюсь не испепелят.

– Ты же хотел... – сглотнула, теребя рукава рубашки, – узреть каким было мое тело, – нашла в себе силы поднять на него взгляд. – Вот и делаю.

– Причиняя себе боль?!

Отец мне всегда говорил: «Бойся, дочь, гнева терпеливого человека, ведь ты никогда не знаешь, когда он сорвется». И послушаться бы совета, да только кто ж меня остановит – жопка-то чешется, приключений жаждет. Вот тебе и приключения. Случайно порезалась об цветущую в саду тонкую, но слишком уж прочную лиану – нет, а кто бы меня предупредил, что это растение хищное, я и за километр к нему бы не подошла, – а теперь вот, пожимаю плоды своего любопытства, вжимая голову в плечи и надеясь, что один

свирепый мужчина не надерет задницу одной очень любопытной особе.

– Не совсем, – начала оправдываться. – Нет, ну в этот раз было больно, не спорю. Но в тот раз телесную боль заглушал внутренний крик. Да и за эти года я привыкла к этим шрамам, что сейчас я без них, как без одежды. С ними спокойнее.

– Почему?!

– Что? – не поняла его.

– Почему ты резала вены?

– А ты об этом, – стукнула себя по лбу. – Так это не я, – мимолетное движение левой брови не скрылось от моего взора. – Это все твои цветочки! Распустились тут. Проходу не дают. А как только начинаешь ими восхищаться, как выпускают свои коготки. Еле ноги от них унесла! Правда без происшествий не получилось. Перед тем как трусливо сбежать, твои цветочки успели меня поймать. А когда я попыталась высвободиться, так и вовсе впились в кожу, не желая отпускать.

И ведь не кривила душой. Говорила мужу все, как было. А взгляд его в этот момент был такой... такой не верящий. Совсем. Будто говорил: «Ну-ну, ври больше».

– Я тебе зуб даю, что так было! – уже собралась обидеться, да снова не дали.

Сильные руки обхватили мои запястья.

– Что ты делаешь? – словно замороженная наблюдала, как из-под пальцев мужа вытекала прохладная магия, своими белоснежными щупальцами обволакивала руки. Лёгкие, белые снежинки взвивались в воздух, после чего оседали на кожу и проникали внутрь.

– Заживляю, – тихо произнес мужчина, после чего весь сосредоточился на моих ранах.

Стоять вот так рядом с мужем, чья магия окутывала с ног до головы, было спокойно. Снег кружился по всему кабинету. Снежинки порхали, искрясь на свету. И словно по заказу вспомнился тот день, когда совершенно случайно застала за боевым танцем мужчину, окутанного снегами, ветрами и буранами.

Обнаженный, спортивный торс – единственное, что можно было разглядеть в сильном ветре и водовороте снега. Белые, словно верхушки гор, волосы развивались, сливаясь с окружающей метелью.

Стоя на балконе и наблюдая за четко отработанными, слаженными движениями, я не чувствовала холода, лишь жар, наполнявший тело и душу. Мужчина был красив.

– Чертовски красив – восхищенно выдохнула.

– Что? – в глазах мужа стояло удивление. – Ты видела меня?

– Да, – пришлось признаться, пряча глаза.

– А я-то думаю, чей взгляд тогда ловил на себе. Так оказывается твой.

– Почему мы живем здесь? – вдруг озвучила давно мучивший меня вопрос.

– Что значит почему?

– Ты же любишь холод, снега, бури. Почему же выбрал место, где зимы почти не бывает? Не думала, что лорд зимы так легко откажется от своей сути. Дорогой, на тебя это не похоже, – улыбнулась, но серьезность своего вопроса не опустила.

– Потому что жене нужно тепло, – он щелкнул меня пальцем по носу. – К тому же ребенка в этих краях растить спокойнее и проще.

– Но это же не справедливо! Тепло может быть и в горах – просто понадобится больше дров для оттапливания целого замка. Хотя зачем замок? Можно же просто небольшой домик, его и прогреть проще, и жить в нём уютнее. А детей нет разницы, где воспитывать и растить – главное, чтоб родители ладили между собой и поддерживали тепло и любовь семейного очага. А в небольшом домике это сделать будет куда проще...

Погрузившись в свои мечты, не сразу заметила с каким довольным лицом на меня взирает муж.

– Что? – ясно посмотрела на него.

– Да вот думаю, где ты всё это время пропадала. Домик, говоришь, хочешь? Будет тебе домик!

– Правда? – не верила своим ушам. Это точно был мой муж? Тот лорд, который жаждал избавиться от супруги, стоит ей только родить на свет его наследника? Ущипните меня, ибо я не верю всему этому!

– А почему нет? – пожал плечами Северус. – Да хоть завтра!

Нет. Это точно не тот мужчина, за которого Олимпия вышла замуж. Это совершенно другой человек. Полная противоположность холодному, отстраненному и эгоистичному лорду зимы. В синих глазах

я больше не видела льда и айсбергов. В них плескались тепло, забота и любовь...

– Жалеть не будешь, что все оставишь? – вдруг поняла, что с нашим переездом жизнь мужа изменится кардинально. И как-то неловко стало. Все же это ведь я настояла на этой идеи, совсем не подумав, как все это может сказаться на работе мужчины.

– А кто сказал, что я все оставлю? – он приподнял бровь, показывая всем своим видом, что данные мысли даже в голову ему не лезли, молчу уже про то, чтоб воспринимать в серьёз мой вопрос.

– Но...

– Роза сердца моего, я лорд этого поместья, представитель королевства Белые звезды, меня император так просто не отпустит – я нужен королевству, своей стране, но... Я так же нужен и своей семье. И раз моя жена решила переехать, почему бы не воплотить её желание в жизнь? Тем более, что на моих обязанностях перед его светлостью это никак не скажется. Но если уж ты так сильно переживаешь по этому поводу, я завтра же отправлюсь во дворец и потребую аудиенции с императором. Не думаю, что он будет против.

– Но не будет ли это дерзостью с твоей стороны?

– Дорогая, и это ты мне сейчас говоришь про дерзость? Кто совсем недавно нагрубил моей матери лишь за то, что она высказала свое мнение.

– Но ты же знаешь, что она была неправа.

– Знаю. Но это не дает тебе право дерзить страшим, – мужчина подошел вплотную и обнял, прижимая мою голову к своей груди. – Я лишь хотел, сказать, чтобы ты была более сдержанной. Я не всегда смогу быть рядом и заткнуть рты всем, кто хоть словом посмеет оскорбить тебя. И поверь, в нашем королевстве найдутся и те, кто так просто не простят тебе вспыльчивого нрава и нападут, когда меня не будет поблизости.

– В том мире, откуда я родом, тебя на каждом шагу подстерегает опасность, а чтоб справиться с ней, приходится адаптироваться и включать голову. Но в основном нужно уметь послать все далеко и надолго, да так хорошенько, чтоб у собеседника челюсть от удивления отвалилась. Я была доброй, наивной и воспитанной. Но жизнь преподнесла мне жестокий урок, и сейчас я не уверена, что смогу пересилить себя и отказаться от той части себя, которая вечно дерзит,

ругается и отстаивает свою точку зрения кулаками, – заглянула ему в глаза. – Но я обещаю попытаться стать достойной тебя леди, ради тебя и нашего сына.

– Сына? Ты так уверена, что это мальчик?

– Конечно! И он очень сильный прям, как и его отец, – губ коснулась гордая улыбка. Вынести бы еще моего малыша. С таким телом будет проблематично, но я должна справиться!

Северус ничего не ответил, только крепче сжал меня в объятьях.

– У нас все будет хорошо, родная. Мы справимся со всем! – и закрепил обещание легким поцелуем в лоб. – Иди отдыхай, я как закончу, сходим в столицу.

Кивнула. И на радостях поспешила в коридор. Меня ждет незабываемая прогулка!

Прогулка и впрямь оказалась незабываемой. Прям как в воду глядела. А лучше бы совсем не смотрела в зеркальную гладь. Это же надо было так все просчитать и устроить ловушку века, обведя вокруг пальца самого лорда зимы!

Но все по порядку.

Я, как и подобает покорной жене, которая безмерно любит и уважает своего супруга, (эх, далеко мне до этой роли, очень далеко), ждала Северуса в своих покоях. Агату попросила оставить меня, но я чувствовала – только подумаю о ней, как женщина с острыми клыками будет тут как тут. Приятно, когда о тебе кто-то переживает и заботится даже если это всего на всего твоя прислуга. Но я отвлеклась.

В столицу королевства мужа идти в брюках не хотелось, но платья Олимпии одевать не горела желанием. Они все были яркого цвета, с множеством кружев и блесков, от чего в глазах при одном только виде рябило. И как она это носила?

Единственный выход из данной ситуации – сшить новый наряд, который точно бы мне подошел и в цвете, и по фигуре. Вот так я и провела отведённые мне три часа. Пока муж разбирался с

королевскими делами, я спокойно, никуда не торопясь, раскраивала, выкидывала все ненужное, изменяла и сшивала обратно.

Нужный цвет найти оказалось сложно, так как весь гардероб раньше проживающей здесь девушки составлял лишь розовые блестящие кружева – её самой от такой пестроты не тошнило? Видимо нет, раз каждая вешалка – разновидность розового.

Но несмотря на оттенки одного цвета, в шкафу нашлись и пару нарядов более темного цвета – бордовый, тёмно-синий и чёрный. Последний видно предназначен для похорон – на платье даже кружев нет. И я, конечно, это исправила. Для своего легкого, но строгого платья я взяла тёмно-синие и черное – эти цвета хорошо сочетались, да и я больше предпочитала тёмные оттенки радуги, чем большинство девушек, страдающих отвратительным вкусом. Нет, ну а кто в здравом уме будет носить платья, ничем не отличающиеся друг от друга, только кружева расположились в другом месте. Это же издевательство как над собой любимой, так и над обществом в целом!

Через два долгих, кропотливых часа я все же закончила работу. И на манекене красовалось элегантное черное платье с рассыпанными по подолу звездами. Рукава я сделала длинными, спину закрытой, а ворот стоячим, чтоб от мужа не отставать – любит же он приподнимать воротник. Декольте решила немного раскрыть так, что, если я решусь когда-нибудь надеть ожерелье или тоненькую подвеску, смотреться это будет изящно и совсем не пошло.

Супруга не было ещё час, но это мне было только на руку. Позвав Агату, попросила её найти краску для волос и позвать мага, чтоб отгладил платье. Если вторую просьбу женщина встретила воодушевлённо, то, услышав про краску, покрылась красными пятнами. А на вопрос, почему та покраснела, она тихо извинилась и дала ошеломляющий ответ:

– В нашем мире, миледи, только падшие девушки красят волосы. Это их выделяет среди всех женщин королевства.

Такое заявление мне не понравилось. Да и что за дискриминация красок для волос?! Это что получается? Если молодая девушка из приличной семьи вдруг переокрасит свои волосы – это будет означать, что она куртизанка? Не справедливо! И кто вообще придумал такие правила? Ему срочно нужно побывать в нашем мире!

Через длительные уговоры и обещания, что становиться развратной женщиной не собираюсь, Агата Авдосьевна все же принесла мне краску. Черную, цвета воронова крыла...

Когда же Север пришёл после важных переговоров, он был сильно уставшим. Первой мыслью было – остаемся в замке. Но стоило мужчине взглянуть на меня, уже одетую и готовую покорять новый мир своей красотой, как на глазах вся его усталость испарилась, как ни в чем не бывало. В глазах зажегся огонек азарта и страсти, а на губах застыла улыбка, полная восхищения.

– Яда? – тихо спросил муж, разглядывая меня с ног до головы и обратно.

– Нравится? – под горящим взглядом мужских глаз щеки пылали, а в груди сердце учащенно забилося.

– Очень... – выдохнул он. – Яда, но зачем ты покрасила волосы? Тебе Агата не сказала...

– Это мой истинный цвет, с ним я родилась и все восемнадцать лет жила, пока... сам знаешь.

– Тебе идет этот цвет. Общество не оценит.

– Это уже его проблемы. Если ему приятно всех поголовно считать шлюхами, то, пожалуйста, имеют полное право. Но мы знаем, что я не такая. Тем более пора уже менять взгляды на жизнь, а я вам в этом помогу!

Привстав на носочки, коснулась мужских губ мимолетным поцелуем и, шурша подолом платья, направилась к выходу из комнаты.

– Жду тебя в саду.

Если б знала, чем закончатся мои ожидания, без промедления осталась бы в комнате, и плевала бы на все нормы приличия. Но я не знала. А потому легко попала в самую идиотскую ловушку.

Прошло десять минут, когда на горизонте замелькала мужская фигура.

– А говорят, что девушки долго собираются, – улыбнулась, готовая услышать колкость в ответ. Но его не последовало.

Насторожившись, я попятилась, во все глаза смотря перед собой.

– Север, если это ты, подай голос.

В ответ тишина. И лишь злая улыбка блеснула среди деревьев.

В этот момент я сильно пожалела, что надела платье. В нём далеко не убежишь – ноги будут постоянно путаться в тканях. И дать отпор будет сложно – в том наряде девушка не особо поворотлива, ведь все резкие движения сковываются плотно прилегающей тканью.

– Твою ж!

В лицо полетела серая пыль. Глаза заслезались. Нос защипало, словно от перца. Горло сковало ком ужаса. Что будет с ребенком? Скажется ли эта пыль на его состоянии? А через секунду я потеряла сознание.

Часть 2

Роза

В сознание приходила слишком медленно, но очень болезненно. Низ живота горел, ныл, сжимался от спазмов. Боль пронзала все тело, словно меня разрезали на мелкие кусочки, позабыв предварительно уколоть анестезию. Голова шла кругом. Какие-то громкие неразборчивые голоса доносились извне, пронзая барабанные перепонки шумом и гамом. А открыть глаза, чтоб осмотреться, было тяжело.

Когда же посторонние шумы стихли, а разум прояснился, я попыталась открыть глаза. На удивление это далось мне легко. А увидев, где я нахожусь и в каком состоянии, подумала: «Лучше бы умерла!»

Я лежала на холодном каменном полу в луже собственной крови. Белую сорочку можно было смело выбрасывать, ибо такое количество крови отстирать не получится. Попыталась сесть, но боль в животе не позволила и пошевелиться.

Что произошло? Где я?.. Кто я?..

Со стороны послышалось какое-то движение. Повернув голову на звук, встретила три пары беспокойных глаз старушек. Женщины были одеты в длинные чёрные платья, с белыми платками на голове и большим золотым солнцем на груди.

– Дитя мое, как себя чувствуешь? – спросила та, что постарше. Её брови давно поредели, а на лице виднелись старческие морщины.

– Что произошло? – слабым голосом спросила её.

– Выкидыш! – вот так просто огласила незнакомка.

– Ларсене, сестра, ну зачем так сразу? – две другие, что чуть помоложе, в один голос вскрикнули.

А слова старшей, словно громом, поразили меня.

– Правду нужно говорить, как ставить клеймо. Поначалу больно, потом отпускает.

– Но не о таком! – женщины продолжали спорить, но я не слышала их. Мои мысли были заняты лишь услышанным.

«Выкидыш» – страшное и самое жестокое наказание для молодой девушки. У меня мог быть ребенок, маленький пухленький ребёнок.

Но из-за жестокой несправедливости я лишилась звания мамы, так и не успев ею стать. А ведь я любила малыша. Точно любила!

– Мой мальчик! – прошептала, глядя перед собой. – Где мой мальчик?! – руками обхватила живот, пачкая тонкие пальцы в багровой жидкости. – Где он?! – кричала в голос.

Часть меня, маленькая жизнь, которая развивалась внутри меня несколько месяцев, вдруг покинула меня. Из-за чего? Чем я заслужила такое несчастье? А ведь я ждала мальчика. Точно знаю, что ждала!

– Тише, дитя мое, тише, – приняла успокаивать меня одна из женщин в странном одеянии.

Я оплакивала не рождённого сына. Горькими, горячими, холодными слезами. Руки тряслись. Плечи дрожали. А горло разрывал немой крик, словно сам дух кричал внутри меня. Душу рвало на части от осознания того, что я потеряла самое дорогое, своё сокровище.

Нет. Нет. Нет. Этого просто не может быть! Не со мной! Не мой мальчик! Только не моя сын!

Меня разрывало изнутри. Истерика, паника, страх – все это накрывало с головой, мешая здраво оценить ситуацию. Мой сын умер, и я вместе с ним. Меня больше не было. Жизнь потеряла смысл.

Незаметно для себя начала колотить пол руками. Разрывая костяшки в кровь, разбивая кожу в мясо. Боли не была. Была одна безысходность. И если бы не присевшая рядом женщина, я бы и не поняла, что творю. Если бы не она, кто знает, чем бы закончился сегодняшний день.

Женщина грубо схватила меня за руки, заставив посмотреть ей в янтарные глаза.

– Успокойся, – серьёзно приказала она, и я послушалась. – Молодец. Встать сможешь? – она в упор смотрела меня и, казалось, совсем не моргала.

Я попыталась выполнить её просьбу. Но встать получилось не сразу, а если бы мне не помогли, и вовсе бы этого не сделала – сил не было совсем, а ноги не слушались. Набросив на мои плечи темную ткань, которая оказалась теплой, вторая женщина подхватила за другую руку и повели меня в ночь.

Случившееся казалось сном. Злым, неправильным, сумасшедшим. Я лежала на белых простынях, в сорочке цвета слоновой кости и

смотрела на белый потолок. Них живота сильно тянуло. Сердце колело. Лёгкие сковывали спазмы, от чего дышать было тяжело и неприятно.

Незнакомки привели в одно из каменных сооружений на холме, где как раз заканчивается граница города. Они помыли меня, переодели и оставили почивать одну через чур белой комнате, где и пятнышка серого нет.

Хотела ли я умереть? Возможно. Могла ли я выполнить задуманное? Нет. Оставить меня одну, они оставили, но перед этим произнесли какие-то неразборчивые слова. Меня сначала овеяло легким ветерком, но, когда за ним закрылись двери, а я кинулась к столику с подносом завтрака и схватилась за нож, серебряный прибор, словно прах, осыпался к ногам.

Возмущаться, кричать и просто что-либо делать не было сил. Даже единственное желание не было шанса воплотит в жизнь. А потому я просто лежала на большой, но жесткой кровати и наблюдала за беготнёй солнечных зайчиков, которые пробивались сквозь плотные белые ткани.

«Куда меня привели? – крутилось в голове. – Почему я потеряла ребёнка? Что за злой рог повис надо мной? Кто эти женщины?»

Осознав этот вопрос, поняла, что действительно не знаю, кем являлись эти добрые и заботливые женщины. Встала с кровати, размяв затекшие мышцы, пошла к выходу. Снаружи было тихо, лишь прохладный ветерок гулял между стен. Несколько факелов освещали длинный, белёсый коридор, создавая впечатление загробной жизни и нереальности происходящего.

Обняв себя за плечи, в надежде согреться, пошла к одинокой открытой двери в самом конце коридора, откуда доносились негромкие голоса и пахло чем-то вкусным и явно горячим.

– Простите, – заглянула в комнату, оказавшейся кухней.

– Что же ты стоишь как не родная?! Проходи, садись.

Прошла, села.

– Ты почему босиком? Совсем уже обезумела?! Давай, подбирай к себе ноги, – после того, как я выполнила просьбу старшей, она укутала меня теплым, шерстяным пледом.

– Тебе тапочки возле кровати для чего оставили? Чтоб ты передвигалась по ледяному полу босиком? – поддержала не вторая.

– Дитя мое, пойми нас правильно, мы не хотим на тебя надавить, просто переживаем за твоё здоровье.

– Кто вы? – глядя куда-то перед собой, спросила женщин.

– Мы? – удивленно спросила третья. – Девочка моя, мы жрицы – посланницы богини Плодородия.

– Где я? Как я попала сюда? – вопросы сыпались из меня один за другим.

– А ты не помнишь?! – теперь в удивлении воскликнули остальные.

– Если честно, я даже не знаю, как меня зовут, – смущено опустила голову на бледные слишком тонкие пальцы. Глаза до сих пор щипало от выплаканных слез. Боли не было. Она прошла вместе с соленой водой. Ни душевных терзаний, ни физических спазмов – я ничего не чувствовала. Внутри меня была одна пустота. Чёрная. Горькая. Всепоглощающая.

– Тогда оставайся с нами, – заговорила после долгого молчания самая младшая жрица.

– Да, точно! – подхватила её вторая. – Наша Богиня будет только рада новой дочери!

– Ларсене, что скажешь? – женщины уставились на свою старшую сестру.

Напряжённое молчание повисло на кухне. Даже мне стало неуютно в этой давящей обстановке и посмотрела на женщину, которая все это время стояла в стороне и с серьёзным видом взирала на нас.

– В комнате можешь делать, что хочешь, но за её пределами обязана слушаться сестер.

– Ура-а! – женщины, как дети, запрыгали на месте. Они плясали, говорили что-то громкое и мало разборчивое. Кажется, они поздравляли меня.

Вот только я не знала, что чувствовать: толи горе, толи радость. Я просто сидела и смотрела на начисто выбеленную стену, уйдя глубоко в себя. И ни жар, ни холод не брал мое бледно-мертвое тело...

Год спустя

– Дитя мое, ты готова? – старшая сестра всегда сдержанная, серьезная сегодня переживала больше нас всех. И ведь был повод. Сегодня у нашей Богини Плодородия – Афисы – родится дочь, верная, покорная и... сумасшедшая на всю голову.

Да, вы правильно поняли, речь шла обо мне.

С тех пор как три добрые жрицы нашли меня на каменном полу в лужи крови в заброшенном доме на краю города, куда они забрели совершенно случайно; когда я узнала о своей злой участи и о всей несправедливости этого жестокого мира; когда после несчетных попыток наложить на себя руки я начала встречать утро. С тех пор прошло много времени. Раны затянулись уродливым рубцом на сердце. Боль утихла, забрав с собой все слезы и страдания. Во мне осталось лишь переполняемая меня радость. Сестры научили меня любить этот мир, пусть он и жесток, людей, даже если они этого и не заслуживают, свою жизнь, несмотря на то, какие преграды она заставляла пройти. А я любила. Стоило забыть о боли, как начала наслаждаться жизнью.

Сначала было тяжело улыбаться, строить из себя веселую и жизнелюбивую девушку – это быстро выматывало. Первое время, приходя к себе в комнату, заваливалась прямо в одежде на кровать и редела. А на утро вновь надевала на лицо полную радости улыбку и выходила в свет. И так продолжалось, пока в один из дней я не поняла, что горевать-то больше незачем, внутри меня нет того, что заставляло ночами напролет оплакивать нарождённого сына. Нет, я не забыла о потере ребенка, просто ради него продолжила жить дальше. Если он не увидит этот мир, его увижу я, но уже другими глазами, с другой жизнью.

«Беляна» – временное имя, которое дали мне сестры. Ведь свое я так и не вспомнила. Как свое прошлое. Ничего из того, что было со мной ранее, не осталось в памяти. Словно кто-то специально вырвал все прожитые мной года.

«Но для чего? Да и кому могли понадобиться такие зверства?» – эти вопросы задавали все жрицы храма Афисы. Их очень разозлило такое нечеловеческое отношение к молодой девушке, ещё совсем непознавшей мира, ничего не видавшего, кроме родительского очага. Но с этим я была не согласна. Маленький червячок сомнения сидел

внутри меня и каждый день умолял меня вспомнить, но что именно – не говорил. Будто он знал что-то важное, но хотел, чтоб я сама поняла, что это. Но шли дни, недели, месяцы, а я так и не поняла, чего же от меня хочет душевный червячок.

Зато сестры о своих желаниях изъяснялись четко и ясно. И главным их желанием – сделать из меня Великую жрицу. Воодушевлённые общей идеей, они каждый день, с восходом Солнца, вытаскивали меня из теплой постели и тащили на занятия. Сначала мне было все равно. Потом я часто желала, чтоб у них у всех разом прихватили животы. А уже через три месяца я втянулась в новый ритм жизни, и сама поднимала сестёр – любопытство и желание узнать что-то новое пустили в душе новые корни.

Так и проходили мои будни. С утра на лекциях, после обеда практические занятия, а после ужина новая книга заклинаний, обрядов, ритуалов. Я училась, узнавала много нового, много практиковалась и вскоре была готова принести клятву Богине.

– Беяна? – Ларсене напомнила о себе.

– Ой, прости, – встряхнула головой. – Да, я готова.

Облаченная в черное длинное платье направилась вслед за старшей сестрой. Еще несколько часов и я стану одной из них – верной дочерью Афисы.

Посвящение проходило в несколько этапов: очищение духа, принятие нового имени и клятва крови. Каждый ритуал проводился в разных местах. Чтобы очистить дух будущей жрице следовало пройти все четыре стихии – лёд и пламя, земля и воздух. На этом пути девушка опускалась сначала ледяную прорубь, которую после закрывали толстым слоем льда, который через какое-то время возгорался, обещая испепелить все, до чего только сможет дотронуться. Огонь сменялся землей, что обсыпала девушку с головой, забиваясь во все щели, не давая возможность вздохнуть. Все оканчивалось сильным порывом ветра, который, как и очищал девушку, так и проверял на стойкость. И если испытываемая выживала, ритуал продолжался.

Принятие нового имени – это знакомство с будущей матерью, богиней Плодородия, самой Афисой. Стоя на коленях в её храме, молодая жрица сначала знакомится с Богиней, а потом в том же положении приносит свою клятву. Особенностью этого ритуала было

то, что никто не знает, какое тебе дадут имя и какую ты принесешь клятву. Но было одно нерушимое условие – клятва должна идти от всего сердца, сама душа должна говорить её, желать того, что произносит. Если это нарушалось, Богиня на месте испепеляла неверную дочь.

Передернув плечами, отогнала дурные мысли подальше. Сейчас сомневаться нельзя. А назад отступить слишком поздно. Есть только один верный путь – путь вперёд и только вперёд. И никак иначе.

Выдохнув полной грудью, вошла в зал четырёх стихий. Высокий стеклянный потолок пропускал лучи восходящего Солнца. Весь зал играл яркими цветами своей истинной природы. В центре растелился круг, куда посещали девушку для проведения первого ритуала. Сейчас, как и гласит завет, в том кругу плескалась кристально-голубая вода, привлекая к себе солнечный свет.

Оглянувшись, заметила, что старшие сестры уже были на своих местах и ждали только нас. Подойдя ближе к заветной черте, после шага за которую моя жизнь изменится навсегда, сняла своё платье. Шальной ветерок тут же окутал меня. Кожа покрылась мелкими пупырышками. Пальцы ног сдались от прохлады каменного пола. Но несмотря на своё смущение – перед сестрами, как и перед самой Богиней я стояла полностью обнажённой, – и чувствовавший холод, я выпрямилась, гордо подняв голову.

– Я готова! – после чего уверенно шагнула в пропасть, из которой выхода назад не было.

Что я сказала секунду назад? Что мне было холодно? Беру свои слова назад. Вот сейчас мне было жутко холодно! Стоило с головой уйти под воду, как захотелось тут же вылететь наружу и укутаться теплым пледом, но выхода назад не было – над головой толстым слоем льда закрылась спасительная дверь. Теперь была только я и первое испытание.

Некоторое время ничего не происходило. Я билась руками о лёд, разбивая костяшки в кровь. Я хотела жить. Хотела наполнить легкие теплым воздухом. Но время все шло, а я как была в оковах льда, так и плавала в них.

Ноги, руки уже сковало от низкой температуры. Волосы покрылись инеем. А легкие наполнились льдом. А нет. Это все мое тело заточила в свои ледяные объятия магия Зимы. Она проверяла не меня, а мой разум – насколько он был чист.

- Никчемная!
- Уродина!
- Рева-корова!
- Где же твой папочка?
- Не пришёл?

Картинки одна за другой вспыхивали перед глазами. Злые голоса резали слух. Острое желание врезать каждому, говорившему про меня гадости, засело глубоко внутри. Пальцы невольно сдались в кулаки, готовые в любой момент осуществить желаемое.

- Зубрила!
- Зануда!
- Проститутка!

– Что сказал? – вырвалось раньше, чем я успела сообразить, что сказала. Гнев застелил глаза. Эмоции взяли над разумом вверх. Припечатав несчастного к стенке, сильно сжала его горло и направила в сторону его смазливого личика готовый к бою кулак.

«Он не стоит того», – тихий шепот ворвался сквозь пелену ярости, оглушая посторонний шум. Я не слышала ничего, кроме этих четырёх слов: «Он этого не стоит».

Кулак опустился. Ладонь, сжимавшая толстую шею, разжалась. Отступила на шаг, глядя куда-то сквозь похотливое лицо парня. Медленно развернулась. И пошла прочь.

- Струсил, да?
- Она струсила! Ха-ха!
- Стерва превратилась в серую забитую мышку! Ха-ха!

Ногти до крови впились в кожу. Боль отрезвила. И, выдохнув, я просто пошла дальше, больше не обращая внимания на злые голоса за спиной.

Когда же я вновь открыла глаза, то узрела, что все еще скованна льдом. Холода я не чувствовала, но дискомфорт в мышцах был ощутим. Все тело затекло. А мозг на удивление соображал четко и ясно. Вот только спать хотелось очень сильно...

И только я начала проваливаться в страну Грез, как мою ледяную фигуру обдало адским пламенем. Огонь обжигал кожу, сжигал легкие. Искры просачивались сквозь поры и отверстия тела, даря ощущение зуда. Казалось, я сгорю в этом огне. Такой мощью обладало то пламя, что даже огромное количество воды и не смогло его потушить – оно просто испарилось, оставляя после себя лишь воспоминания.

Огонь был везде. Он окружал меня, был во мне. Дышать было тяжело – легкие отказались работать. Глаза высохли. А волосы как на голове, так и по всему телу просто-напросто выжигались, как будто их там и не было. Это был ад. Самый настоящий ад.

В первые секунды было тепло, но вскоре я не выдержала высоких температур и орала во все горло, проклиная тот день, когда сестры придумали этот обряд посвящения.

Да какой это обряд? Это самая настоящая пытка! Я же сгорю! От меня и пепла не останется! Садисты сумасшедшие!

Тело плавилось. Горло першило – кажется сорвала голос. А мозг просто не вынес всей той боли, что испытывал организм и отключился.

Мне так показалось. Но это было только начало второго испытания. Огонь проверял горящее сердце.

– Вы узнаете этого человека? – мужчина в форме указал на сидящего за решеткой преступника.

– Да, – слабым голосом ответила ему. По щекам текли слезы. Душа разрывалась на части. Сердце почти не билось. Оно требовало мести. Жестокой, кровавой мести. Этот человек не заслуживает жить! Он должен умереть самой мучительной смертью. Он должен поплатиться за то, что убил единственного дорогого мне человека!

– Хорошо, вы можете идти, – молодой офицер подтолкнул меня в сторону двери, но я идти никуда не собиралась – стояла как в копанная и прожигала взглядом убийцу отца.

– Он не заслужил такой участи, – шептала под нос. – Он должен был жить! Он! А не ты, скотина бессердечная! За что? За что я спрашиваю ты убил его?! Что он тебе сделал ужасного? Отвечай мне, ублюдок! – если бы не разделяющие нас железные прутья, оторвала бы ему голову.

Офицер попытался приобнять меня, чтоб ненароком не натворила ничего плохого. Но выходило у него не очень. В итоге мужчина получил локтем в нос.

– Девушка, успокойтесь! – приятный спокойный голос молодого человека эхом зазвучал в голове. – Мстить не воскресит вам отца. Он мертв – просто примите этот факт и постарайтесь жить дальше, хотя бы ради него, – он не утешал, не обещал отомстить. Он просто выполнял свою работу и пытался предотвратить ещё одно убийство.

Вырвавшись из рук офицера, выдохнула. И только после этого посмотрела, как мне показалось, слишком спокойным взглядом на ухмыляющегося за решеткой преступника:

– Я не буду тебя убивать – слишком легко, – усмехнулась. – Ты будешь жить с этой ношей до конца предначертанных тебе дней, – уже у дверей в последний раз обернулась и, глядя в глаза, прошептала, – Я прощаю тебя...

Языки пламени уже не были такими горячими, они грели душу и согревали тело. Разум был чист. На сердце было легко и спокойно. Казалось, мучения закончились... Да нет. Они только начались.

Словно град на меня с неба посыпались комья земли. Они тушили огонь, закапывая меня с головой. Грязь, песок, тина, земля – они были везде. Между пальцев ног, в ушах, в ноздрях, в волосах. Земляная ловушка не позволяла и пальцем пошевелить. Это было как в первом

испытании, только холода я не ощущала. Больше чувствовался дискомфорт – быть закопанной живьем не самое удобное желание. Ни повернуться, ни крикнуть – ничего нельзя было сделать. Только с ужасом наблюдать, как земля отделяет тебя от окружающего мира, с каждой секундой поглощая в свои объятия.

Третье испытание – испытание тела. Говорят, оно одно из нелегких. Вот сейчас и проверим.

Громкая музыка. Сильный запах спиртного. Нецензурная брань. Полупьяные тела. Все это всплывало у меня в голове, пока не открыла глаза и не поняла, что нахожусь на столе. А дальше все пошло само собой.

Море алкоголя. Крики родственных душ, с которыми успели сблизиться за время небольшого застолья. Кто-то пел старые, как этот мир, песни. Кто-то молчал и раз через раз доливал спирта в свой и без того пьяный организм. А кто-то забаррикадировал стол и придавался любимым занятиям.

Танец может многое сказать о человеке. Но вот танец по пьяни скажет куда больше.

Мое тело двигалось плавно, попадая в ритм музыки. Я изгибалась, приседала, раздвигала свои красивые ножки, облаченные короткой кожаной юбочкой. Топик давно улетел с барной стойки – он был лишним, да и движения сковывал.

Мне было жарко. Алкоголь снес все барьеры разума. Он растекался по венам, дарил телу легкость и решительность. Я была чертовски уверена в себе и в том, что эту ночь я проведу в объятиях самого сексуального мужчины.

Заметив нужную мне особь, веля бедрами, поманила его пальчиком. Он подошел, ухватив под попу, помог мне слезть с высокого стола. Почувствовав желанный пол под ногами, потащила своего спасителя в центр зала, где музыка была слышна громче и лучше.

Окружив мужчину своими ласками, я как кошка терлась об его торс грудью, припадала на коленях к области паха. Мои пальцы не оставляли и сантиметра – они все гладили и гладили мужчину. Но и партнер не отставал. Его горячие ладони сминали грудь, талию, попу. Он прижимал меня к себе. И я прекрасно ощущала его недетское желание.

Внутри меня взорвался фейерверк. Трусики намокли. А короткая юбка стала тесной. Хотелось оседлать этого красавца прямо на глазах у всех. И только пальцы потянулись к ремню джинс, как я остолбенела, не успев и прикоснуться к нему.

Кто-то пристально смотрел на меня. Его холодный, полный спокойствия взгляд прожигал во мне дырку. Стало неловко. Передернув плечами, посмотрела по сторонам. Затуманенный взгляд отказывался фокусироваться. А когда он все же это сделал, я встретила с темно-синими, как океан, глазами, в которых бушевала самая настоящая метель.

– С тобой все хорошо? – скрипучий голос незнакомца резанул слух.

– Да, – слишком равнодушно ответила.

– Тогда может в номер? – повернув голову в сторону говорившего, заметила на его лице довольную ухмылку.

Я не стала отвечать ему и просто ушла. Впервые за весь вечер я почувствовала, что не тело ведёт меня, а я сама веду его. Сама двигала его в сторону родных и любимых глаз – окружающее перестало существовать: голоса стихли, силуэты расплылись. Остались только он и я. И моя тянувшаяся именно к белокурому мужчине душа. И я повиновалась её зову, потому что знала, она никогда не ошибается.

Под толстым слоем земли было тяжело открывать глаза. Мышцы затекли. Да и сама я уже устала находиться в одном положении. Но спать не хотелось. Хотелось, чтоб все это поскорее закончилось!..

Вот говорят же: «Бойся своих желаний, иначе беду накличешь». И разве было трудно последовать этому простому совету?

Только желание просвистело у меня в голове, как сносящий всё на своем пути ветер окутал меня. Он срывал всё: комья земли, глины, грязи разлетались во все стороны. Ветер и очищал меня, и убивал одновременно.

Внезапно прорыв стал закручиваться в воронку, создавая что-то наподобие смерча. Теперь он не отталкивал от себя предметы, а притягивал их в самое сердце природного явления.

Последнее испытание, проводимое четвёртой стихией, было испытание веры. Мне никто не объяснил какую именно веру будут проверять, а по тому это испытание было для меня загадкой.

Перед глазами пронеслась вся жизнь. Будущее, настоящее, но прошлого я так и не увидела. Зато увидела другую картину.

В это раз не было ни людей, ни злых языков, ни громкой музыки. Был лишь холодный, каменные пол и что-то мокрое, и липкое подо мной. Открыла глаза и поняла, что нахожусь в темной комнате, сквозь единственное окно которого пробивался лунный свет, освещая меня. Я была в белоснежной сорочке, испачканной багровой кровью... Кровь моя...

Боль осознания происходящего пронзила сердце. Хотелось выть, рвать на себе волосы и проклинать всё, на чем стоит мир за его несправедливость. Мой мальчик! Мой сын! Мой маленький мальчик!

Внутри была пустота. Из глаз текли ледяные слезы. Крик застыл в горле, так и решившись вырваться наружу. Душу рвало на части от безысходности и тяжёлой потери. Ни одна мать не должна хоронить своё чадо. А мне и похоронить некого.

– За что?! – голос сорвался до шепота. Тело было тяжелым. Душевная боль перекрывала физическую. Я не чувствовала ни жара, ни холода. НИЧЕГО.

«Может оно и к лучшему? – подумала и нащупала небольшой острый прибор. – Вот и мое спасение!»

Онемевшими пальцами сжала рукоятку ножа и приставила лезвие к сердцу.

«Один удар и мучениям придет конец».

Надавила на нож, белая ткань разошлась. Холодная сталь коснулась кожи.

Один удар...

– Не смей, мама! – детский голос прозвучал в моей голове.

Рука зависла в воздухе, немного распоров кожу под грудью.

Встряхнув головой, отогнала наваждение. И вновь занесла руку.

– Мамочка, прошу тебя, – взмолился голос. – Живи! Живи ради меня, вместо меня! Пожалуйста, ма-ма, – голос сорвался, казалось, что

говоривший заливался слезами. – Пожалуйста...

– Хорошо, мальчик мой, – прошептала одними губами.

Руки ослабли. Нож со звоном упал на пол. А по щекам потекли горячие слезы.

– Я буду жить для тебя! Обещаю...

Сквозь пелену слез не сразу заметила, что пейзаж во круг меня изменился. Я больше не сидела в темной комнате. Я парила в метрах десяти над землей. От неожиданности и переполненного страха я заорала, хватаясь за воздух руками, пытаюсь хоть как-то приземлить себя.

Как ни верещала, как ни пыталась за что-то ухватиться – ничего у меня не выходило. Воздух заполнил легкие до отказа. Глаза слезились. А из горла доносилось лишь противное шипение. Ужасное сочетание чувств. Ты вроде паришь над землей и чувствуешь крылья за спиной. А вроде понимаешь, что это твои последние минуты перед смертью. Ведь если смерч резко прекратиться, я разобьюсь, и поминай как звали.

А звали меня...

Север

– Яда! – подскочил на кровати.

В последние дни сны стали совсем реалистичными. Каждую ночь мне снилась девушка, молодая, красивая, с большими карими глазами, больше напоминавшие топленый шоколад. И каждую ночь я терял её. Она была рядом, обнимала меня, держала за руку, а через секунду я метался по всему саду в поисках родных глаз и надрывая горло звал её. И не находя, просыпался в холодном поту, поднимая среди ночи и дорогую супругу.

Вот и сегодня она услышала мой крик.

– Дорогой, с вами все хорошо? – её короткие пальцы коснулись обнажённого плеча.

Я дорожил своей женой, оберегал её, уважал. Но любил другую. Сердце не билось рядом с той женщиной, подарившей мне сына. Душа болела, глядя на влюбленные в меня глаза. Они оба тянулись к являвшейся во снах деве, чье тело бело, как снег, а кожа нежна, как лепестки роз.

Это было неправильно. Муж должен быть верен одной единственной женщине в этом мире – своей жене. А у нас было все с точностью да наоборот.

Она любила меня, лелеяла, согревала заботой. Я же был ей благодарен за это, но не более. Даже сын не смог растопить к его матери мое ледяное сердце.

– Все хорошо, – брезгливо повел плечами. Её руки были слишком горячими, как и все её тело. Они обжигали, оставляя на коже рубцы и шрамы.

– Раз мы все равно проснулись... – протянула женщина, прикусывая пухлую губу – данный жест совершенно не красил её, но говорить об этом не стал – устал.

Как же я устал от этого всего. От светских приемов, балов, званых ужинов уже тошнило. Лицемерные улыбки, сплетни, громкие голоса наводили смуту в моей душе. Все это было не мое, не для меня. Всей этой показушной жизни хотела она. И только она. А мне было плевать. Пусть хоть вешается, лишь бы меня не привлекала в свои

посиделки, после которых хочется разобрать весь замок по камешку. А лишние вообще спалить до тла.

Встряхнув головой, встал с постели и, одевшись в камзол, покинул покои. Единственными в этом сером, угрюмом замке людьми, которые действительно понимали меня, были: экономка Агата и годовалый сын – Август. Они всегда знали, чего я хочу и что для этого нужно сделать. Да и лишних вопросов никогда не задавали.

Поэтому я, как и каждую бессонную ночь, прошел в комнату сына и, отправив Агату спать, сел возле его маленькой кровати и наблюдал, как во сне вздрагивали чёрные реснички. Такое занятие успокаивало и настраивало на рабочий лад. Правда хватало этого спокойствия ненадолго.

С приходом рассвета замок оживал. Громкие голоса разносились по коридорам. Шум, гам стоял то тут, то там. И нигде не было тихого и укромного уголка – жена находила меня везде. Правда, было одно место, куда она не решалась зайти – мой кабинет. Здесь был мой ад и рай. Из-за постоянных балов расходы росли с невероятной скоростью. Приходилось постоянно считать, просчитывать дальнейшую жизнь. А чтоб хоть как-то занять жену собой, приходилось работать в три раза усерднее. Деньги любят, когда их тратят. А я люблю свою работу. Хотя с рождением сына времени королевству уделял не так уд и много. Император, конечно, понимал мою положение. Но мне самому было неприятно представить пред глазами его Светелости и просить ещё одну отсрочку, ибо ребёнком занимались только я да экономка. Его же матери сын был не нужен – её интересовали только деньги, власть и балы, вечера и лицемерное общество.

Иногда я ловил себя на мысли, что эта женщина не любит меня, что все, что ей от меня нужно было – это социальный статус. А ребенок нужен был мне одному. Не спорю, раньше я бы развелся, несмотря ни на что. Но сейчас... Что-то держало меня возле этой женщины. Что-то сильное, крепкое, не желающее отпустить и на шаг от себя.

«Ты жалок! – магия, давно не говорившая со мной, вдруг подала голос. – Ты слышал себя? Из-за какой-то женщины убиваться. Тьфу! Не таким я тебя растила».

Усмехнулся. Магия Зимы говорила правду. С ней вообще спорить было бесполезно – она убивала количеством верных аргументов. А

порой солью приходилась по открытой ране. Как дела и сегодня.

«Что ты с собой сделал, Север? – тихо спросила она. – Зачем мучаешь душу?».

– Ты знаешь, я не могу тебя выпустить. У меня маленький сын, который за этот год уже пятый раз болеет.

«Тьфу, людишки!» – магия была в ярости. Я отчетливо слышал, как она скрипела зубами и завывала от безысходности. А может и от чего ещё...

«Так найди лекаря! Ты же лорд в конце концов. У тебя власть, деньги».

– Не все могут вылечить, как ты говоришь, деньги и власть. Август медленно умирает, и ты это знаешь.

«Обратись к жрицам Афисы – они точно помогут», – на этом сила во мне закрылась, и я больше не чувствовал ни её эмоций, ни свою власть над ней.

Совет неплохой. Но согласятся ли дочери Афисы помогать такому, как я? Вряд ли. Помогли ведь однажды...

Роза

Проснулась от того, что в теле присутствовала небывалая легкость. словно весь лишний груз стянули с меня и выбросили в Бездну. Душа пела. В груди порхали бабочки. А на губах играла счастливая улыбка. И её было в организме того, что напомнило бы о душу выворачивающих и убийственных испытаниях четырёх стихий. Почти ничего...

Встав привычно рано, направилась умываться. И вот тут-то и началось «доброе утро».

Раздевшись до гола, заметила небольшой рубец в области сердца. Первое впечатление – мне показалось. Я даже перекрестилась, ущипнула себя, но он никуда не исчез. Тогда я пригляделась и заметила, что это был не рубец, а распустившаяся алая роза с ярко зелеными шипами вокруг.

Рисунок был красив. Но что значил я не знала – ни в одной книге рун не видела похожего символа. Говорят, Богиня сама наделяет свою дочь характерной для неё руной. Но мой характер и близко не стоял с розой!

– Беяна, уже встала? – с комнаты послышался голос дорогой сестры.

– Да, – накинув халат на плечи, предстала перед сестрой.

– Как ты себя чувствуешь?

Алифия – одна из моих спасительниц – впервые пришла ко мне с беспокойством в глазах. Руки её тряслись. Глаза были красными – видать всю ночь плакала. Но почему?

– Прекрасно, – улыбнулась. – Что-то случилось? – её состояние передалось и мне.

– Ты три дня была мертва! – бросилась ко мне на шею всегда веселая женщина.

Обняла её, поглаживая по спине. Я ждала, пока она найдет силы продолжить. И дождалась. Когда первые слезы утихли, сестра начала рассказывать:

– Когда последняя стихия стихла, мы все увидели тебя уверенно стоящую на ногах. Ты что-то сказала – никто не разобрал что

именно, – после обессиленная упала. Нам показалось, что обессиленная. На самом же деле, ты пребывала на грани жизни и смерти. Оно и не удивительно, ты дольше всех проходила испытание. Мы очень за тебя боялись. Одна из сестер предложила остановить ритуал, но никто не решился.

Конечно, никто бы не решился. Это же могло убить меня.

– И тогда мы просто ждали. Рвали на себе волосы, когда слышали, как ты кричала. Грызли ногти, когда стихии, выйдя из-под контроля, поглощали тебя. Я платье прогрызла, пока смотрела, как ты горишь. Беяна, такого мощного пламени не было ни у одной из нас. Что в твоей жизни произошло такого, что Богиня так жестоко с тобой обращалась?

Я лишь покачала головой. Самой бы знать.

– Сколько шёл ритуал? – задала интересующий вопрос.

– Десять часов.

Сколько-сколько? Я же не ослышалась? Десять часов?! Это же в два раз дольше, чем положено. Не удивительно, что сестры были так напуганы. Я не должна была выжить!

– Когда ты упала, то сильно ударилась головой. Крови было немного, но вот твоя кожа...

– Что с ней?

– Она была бледной, как у самой Смерти. Щеки впали. Ключицы, ребра – все твои кости были видны, будто из тебя всю жизнь высосали. И дыхание... – она вздрогнула. – Его не было. Сердце билось слабо, еле-еле гоняло кровь. Мы уже подумали: «умерла». Да простит Богиня наши грешные души. Алис.

– Алис, – кивнула.

– Мы уже собрались хоронить тебя, как Ларсене заметила рубец на твоей бледно-мёртвой коже. Он сильно выделялся на фоне тела. Яркий, расписной. Ты его уже видела?

– Да, – не стала скрывать.

– Красивый. Никогда её видела таких четких линий.

– Алифия, ты не знаешь, что он означает?

– Роза – символ невинности и верности. Роза с переплетенными шипами, как у тебя, – знак величия, чистой любви и преданности, прощения и мести, слез и крови. Богиня никогда не награждала свою

дочь символом мести и жажды крови – эти качества противоречат заветам Афисы.

– Но почему для меня мама решила сделать исключение?

Алифия не ответила. Боюсь, кроме самой Богини мне никто не даст ответа на данный вопрос. А значит, нужно дождаться второй части ритуала-посвящения.

Ждать пришлось недолго. Буквально все сестры убедились, что со мной все в порядке, решили не затягивать с последним ритуалом. И уже через пару дней я пребывала в храме своей Богини.

Сестры окружили меня и читали священные песни. А я, стоя на коленях, вызвала к будущей матери.

– Встань, дитя мое, – нежный, певучий голос прозвучал совсем близко.

Открыв глаза, заметила, что картина вокруг замерла, а передо мной стояла красивая, статная женщина, излучающая свет и любовь.

– Госпожа, – не зная, как начать разговор, для начала поклонилась.

– Эти лишнее, Яна.

– Простите? – не поняла её.

Богиня тепло улыбнулась, и, протянув мне руку, которую я приняла с небольшим колебанием, продолжила:

– Все мы приходим в этот мир с чистым сердцем и ясным умом. Мы её просто хотим жить, мы жаждем познать сам смысл нашего существования. Мы на протяжении всего жизненного пути ищем себя, своё место. И кто-то находит его, а кто-то нет.

Голос Афисы звучал плавно и спокойно. Она рассказывала о строении всего мироздания так, словно делилась впечатлениями от первого свидания – с такой легкостью и с таким воодушевлением она это делала, что я не заметила, как залюбовалась высокой, черноволосой Богиней Плодородия. Её белое платье водопадом струилось к ногам. Оно было таким легким, как перо жар-птицы.

– И те, кто не находит своего места в этом мире, становятся жестокими. Их сердца черствеют, убивая в душе последние частички надежды и любви. Такие люди не злые – из ослепила несправедливость этого мира. Они ведь тоже хотят быть счастливыми, любимыми.

– Я вас не пойму, – перебила женщину. – Вы говорите о том, что все мы похожи, что не мы виноваты в том, что с нами происходит. Но ведь это не так. Если бы кто-то действительно захотел исправить своё положение, он бы исправил его, изменился бы сам.

– Ты не права, – Афиса не злилась. Наоборот, с радостью поддержала дискуссию. – Вспомни себя, если бы сестры не помогли тебе, ты бы справилась с горем сама? Нет. Если бы не голосов голове, сдерживала бы ты свой вспыльчивый нрав? Нет.

– Вы хотите сказать...

– Человека делает человек. И я сейчас не про телесный контакт между мужчиной и женщиной. Я говорю про душевную связь. Про те узлы, которые прорастают, когда один человек с горящим сердцем помогает другому вернуться на путь истинный, – она повернулась ко мне. – Все мы, дочь моя, совершаем ошибки. Каждому раз в жизни приходила в голову мысль о самоубийстве. Любому из нас когда-то было настолько больно, что в одиночку этого чувства не вынести. И, согласись, в большинстве случаев рядом оказался тот или иной человек, который нужен был именно в этот час, который поддерживал, помогал подняться и сделать первый шаг в сторону новой жизни.

– Я все еще не понимаю, чего вы от меня хотите, – призналась Богине.

– Сестры в ту темную ночь помогли тебе, теперь и ты должна помочь им, Яна. Роза с шипами – не просто символ. Это мое благословение тебе. Ты единственная, кому в силах понять и простить человеческие ошибки, потому что сама совершала их много раз.

– Ты видела мое прошлое?

– Дочь моя, я видела твое прошлое, настоящее и будущее, – её мягкая ладонь коснулась головы. – И верю, что ты найдешь в себе силы простить всех. В крайнем случае отправляй ко мне на суд – не бери этот грех на свою чистую и невинную душу.

Женщина продолжила путь. Я хотела было последовать за ней, да поняла, что не могу сдвинуться с места.

– Мама!

– Да? – она обернулась.

– Скажи, как ты меня назвала?

Богиня улыбнулась и от этой улыбки стало тепло на душе.

– Янетта, – прошептала женщина и исчезла.

Свет погас, а я все также стояла на коленях и читала стих. Голоса сестер с каждым мгновением звучали все громче и громче. В какой-то момент осознала, что вот он тот час, когда следует принести клятву Богине.

Подняла руки к небу, и пение жриц прекратилось – все приготовились внимать моим словам:

– Сижу пред тобой на коленях,
У алтаря твоего припадаю,
Откроюсь в своих прегрешеньях,
Я клятву тебе утверждаю:
*«Клянусь я дом сестер – твой храм – оберегать.
Клянусь, душою верной и покорной быть.
Клянусь, любовь твою в себе отобразить.
Клянусь, все чёрные сердца отмыть
И твою в них любовь возродить.
Клянусь, о матушка моя, учиться,
Сестер своих боготворить
И к светлому всегда стремиться.
Клянусь, твоею дочкой быть.»*

Моя клятва длина, мама, знаю,
Но послушай меня до конца:
*«Клянусь, что врагов всех поймаю.
Клянусь, что не открою я сердца,
Если оно не захочет любить.
Если черным будет мир весь в округе,
Клянусь, что буду всем я светить,
Вот тьме подавать им руки.
Но всех своих врагов, клянусь, не пощажу,
Ответят они кровью за боль и страданья.
Клеймом твоим я всех их награжу...
Но попрошу тебя, верни воспоминанья...»*

По окончании клятвы в храме стояла полная тишина. И только легкий ветерок прогуливался между колон:

– Научи их прощать, – щеки коснулось тёплое дыханье.
– Обещаю, – прикрывая глаза, ответила Богине.

Север

Ещё одна бессонная ночь. За последнюю неделю таких ночей в моей значительно увеличилось. Я засыпал, но стоило сон ворваться в мой покой, как желание спать резко обрывалось.

Девушка. Мне снилась одна и та же девушка, чье имя согревало сердце, а глаза цвета топленого шоколада светились жизнью и счастьем. Она была красива. Тёмные волосы волнами спадали с плеч. Щеки пылали живым румянцем, а когда она улыбалась, показывались две маленькие ямочки. Она была нежна и невинна. Эта небесная нимфа была моим спасением и проклятьем. Она вдохновляла меня, будила, а самый нужный час ночи, когда сыну становилось хуже. И в то же время из-за неё я не мог кого-либо полюбить. Весь день сердце молчало. Душа угасала. Но стоило ночи вступить в свои права, как все внутри меня оживало, пело и цвело.

Да что же это такое?!

Встряхнув головой, подошел к кроватке сына. Мальчик спал. И если не знаешь, что искать, никогда не заметишь небольшой рубец напротив сердца. Этот рубец был у ребенка с рождения. И он же вытягивал из Августа жизнь.

Маленький, бледный и очень худенький для своего возраста ребёнок посапывал во сне. Он был таким незащищённым, слабым. И глядя на него, постоянно молишься: «Проснись сегодня».

«Обратись к жрицам», – в который раз всплыл в голове совет магии. – «Обратись к жрицам».

Пару дней назад я еще был уверен, что справлюсь и без их помощи. Но наблюдая, как резко ухудшается состояние сына, переступлю через гордость и вернусь к родному очагу.

Сказано – сделано. Только первые лучи коснулись горизонта, как я вышел из замка. Точнее хотел выйти именно с утра пораньше, да не вышло.

Именно сегодня к нам в гости пожаловала мама. Конечно, я сразу понял, что её пригласила супруга, но и не встретить матушку не мог.

В итоге после долгих расспросив, как мы тут живем без неё, как чувствует себя её внучок, как невестка, обижаю ли я её, не выдержал и, передав бразды проведения целого дня вместе жене, поспешно ретировался в столицу.

Солнце давно встало и находилось сейчас в зените. А потому неудивительно, что на улицах было шумно и многолюдно. Все куда-то спешили. Кто-то что-то рассказывал, кому-то передавал новости или обычные столичные сплетни. Лавки с различными сувенирами, продуктами, одеждой были открыты. Покупатели сбавляли цену, продавцы – настаивали на своём. Столица жила своей жизнью, и это не могло не радовать.

Вдруг среди толпы одинаково одетых граждан заметил отблеск темных волос. Если бы не видел их каждую ночь, не обратил бы на низ внимания. Этот насыщенный чёрный цвет воронова крыла волос принадлежал лишь одной девушке. Ей, деве, приходившей ко мне во снах, чье имя навечно застыло на моих устах.

Чтоб не потерять из виду, решил последовать за ней. И когда нагнал, заметил черное в пол платье с белым на голове платком. А на груди должен был быть кулон в виде пылающего Солнца.

Она была жрицей.

Не нужно было спрашивать: так это или нет. По её прямой спине, уверенному шагу и приветственным поклонами простых горожан можно было узнать в ней служительницу Богине – только жриц, на равне с императором, уважали жители королевства.

Время близилось к обеду. А я всё преследовал молодую жрицу. Она бродила между лавок и что-то присматривала себе. А я в тайне любовался её задумчивым лицом и лёгким румянцем на щеках.

Даже полностью облаченная в священные наряды она была красива как рассвет. Нежна, легка. Она светилась изнутри, переливалась яркими красками. Казалось, что вся жизнь её построена на радости и светлых воспоминаниях.

Но в жрицы так просто не попадали. Что же её подтолкнуло к этому решению?

– Здравствуйте, можно мне вот этот браслет? – я слышал её голос много раз. Но в живую он звучал мелодичнее, чем во сне.

– Который, моя дорогая? – пожилой мужичок внимательно проследил за тоненькими пальчиками, которые указали на украшение с

темно-синими камнями. – Цвет магии Зимы? Вы уверены?

– Я никогда не видела снега, – начала она, покрывшись румянцем.

Она не видела снега? Значит скоро увидит. Магия была полностью со мной согласна.

– ...Только читала, какой он мягкий и холодный. А в этих краях зимы практически не бывает. А от этого браслета исходит приятная и заряжающая энергетика, да и хоть какая-то часть снежного сезона будет со мной, – она улыбнулась, и такой знакомой показалась мне так улыбка, словно я когда-то видел её в живую.

– Понимаю. Прекрасный выбор, госпожа, – продавец протянул девушке выбранное украшение.

– Сколько?

– Что вы? Не стоит. Это мой вам подарок.

– Так неожиданно, – удивилась молодая жрица.

– Вам никогда не делали подарков, юная леди?

– Нет... Да... Я не помню, – она опустила голову. И в этот момент я понял, что не всё было радостно и легко в жизни незнакомки. Упущенные плечи, полные грусти глаза говорили о том, что я прав. – Простите...

– Ну что вы? Я рад быть первым, подарившим вам что-то, пусть и такую мелочь, как браслет, – глаза продавца понимающе блеснули. – Он вам очень идёт.

– Спасибо, – девушка поклонилась и, попрощавшись, продолжила путь.

Больше она не останавливалась, ни с кем не говорила. По полуоткрытым глазам было видно, что она о чём-то напряжённо думала. Но о чем же?

Не глядя по сторонам, сожительница храма Афисы свернула в тёмный переулок. Она всё дальше продвигалась вглубь чернеющей улицы, откуда доносились душераздирающие крики безымянных.

– Эй, красавица, заблудилась? – из-за угла показалась чёрная тень. Она была в два раза выше маленькой жрицы.

– Тебе показать путь к свету? – вторая тень сделала шаг к девушке.

А она никак не реагировала, словно и во всё не слышала их противно-скрипящих голосов.

– Милое создание, пойдём с нами, – тень первого прикоснулась к женскому плечу.

– А? – подняла та голову. По в миг натянутой спине, можно было сказать, что внутри её сковал страх.

– Пойдем-пойдем. С нами тебе не будет так грустно, мы обещаем, что развеем всю печаль твою, – вторая рука потянулась к побелевшей щеке. Но цели застать не успела – я оказался быстрее. Призвав к действию магию, заморозил кривую конечность.

– Что за черт?! – зверем взвыла тень. – Моя рука!

– Здесь есть кто-то ещё, – затараторил первый силуэт. – Покажись, глупец, иначе этой девчонке несдобровать, – и к тоненькой шее приставили грязный нож, с которого стекала чёрная, вязкая жидкость.

– Опустите её, – вышел из тени домов.

– Это же тот самый лорд! – тень, рука которой вывела вдоль тела сосулькой, с ужасом взирала на меня. – Брат, отдай ему жрицу, пока хуже не стало.

– Советую послушаться брата, – спокойно посоветовал.

– А то что? – не унимался голос, чье тело всё ещё держало в заложниках невинную девушку.

– Ты сам выбрал свою судьбу, – равнодушно пожал плечами и выпустил в тень ледяные стрелы.

Как мужчина не старался прикрываться женским телом, его стремительно настигала магия, не принося вреда жрице.

– Черт! Ай! Твою ж!

Нецензурная брань срывалась с губ этого мерзавца. Магия настигала цель, нанося смертельные раны. И когда уворачиваться от стрел с девушкой стало трудно, мужчина выпустил её. А вскоре и сам обессиленный повалился на сырую землю.

– Брат! – подбежал второй к истекающему кровью нелюдю. – Ты ответишь за это, ублюдок!

Не обращая внимания на заледенелую конечность, мужчина бросился на меня. Но и тут ему не повезло. Пустив магию по земле, замораживал всё, что попадалось ей на пути. Ноги извращенца были первыми.

– Отпусти нас, – взмолился тот. – Мы же отпустили девчонку. Чего тебе ещё надо?

– Справедливости, – голос звучал холодно. – Вы хотели изнасиловать невинное создание и думаете, это так просто сойдёт вам с рук? За такие мысли и убить не грех, – сам удивился своим словам.

Где-то я их уже слышал...

– Хватит! – магия уже перекрыла мужчине доступ к кислороду, когда женский уверенный голос заставил остановиться.

– Что? – не понял её.

– Я сказала: хватит их мучить, – глаза молодой жрицы пылали огнём. Я уже видел эти глаза. Более того я ясно помню, когда слышал подобные слова.

«Она не стоит того», – чёткая фраза пронеслась в голове, а перед глазами всплыла картина похожей ситуации, только вместо двух извращенцев была одна сумасшедшая, желавшая убить... А вот кем приходилась мне Янетта – так и оставалось загадкой.

И вот эта фраза вновь всплывает.

– Лучше опусти их, – не просьба – приказ.

Не веря в то, что увидел, я не сразу осознал, чего от меня хотят.

– Ты знаешь, что они хотели сделать с тобой?! – внутри всё бушевало. Магия не понимала, почему я остановился, и требовала продолжения.

– Знаю, – чем тише звучал её голос, тем холоднее было мне. – Повторяю: Отпусти их.

Повинуясь приказу девушки, раскрыл ладони и разорвал схемы заклинаний.

– Почему? – буря всё ещё не утихла в груди и было сложно сдерживать рвавшуюся наружу магию. А девушка, присев на колени, принялась осматривать мужчин, которые пару минут назад желали грубо отыметь её где-то за углом.

– Человека порождает человек. Точнее наше отношение к нему. Если мы будем истреблять всех, кто нас обижает, то чем мы будем лучше их? – её голос звучал уверенно. – Если в наших силах помочь другим вернуться на истинный путь, то мы просто обязаны это сделать. И первый шаг – это прощение.

Пока она говорила, ее руки залечивать тяжёлые раны. И через минут пять те, кто угрожал здоровью девушке, с хрипами поднимались с земли.

– У вас доброе сердце, миледи, – поклонился мужчина, руку которого я заморозил. – Спасибо, что пощадили нас.

– Я не леди, – серьёзно сказала она.

И что-то знакомое было в этой фразе. Что-то родное, но такое далёкое.

– Приношу свои извинения...

– Янетта.

– Приношу свои извинения, сестра Янетта, – закончил первый. – Если позволите, с этого дня я ваш покорный слуга. Прошу, покажите свет моей тёмной душе, – он склонился перед жрицей.

– Мне не нужны слуги. Но вашу просьбу я выполню.

– Но почему? – его брат задал вопрос. – Мы же хотели вас...

– Каждый достоин второго шанса, – спокойно ответила жрица и, поклонившись, подошла ко мне. – Если бы не вы, эти джентльмены надругались бы надо мной, тем самым исказив свой жизненный путь сильнее. Благодарю вас, лорд...

– Гордон, – подсказал ей, усмехнувшись. Но она, кажись, этого не заметила.

– Что ж, лорд Гордон, теперь я ваша должница. Если вам понадобится моя помощь, буду рада поспособствовать вам, чем смогу.

– Если честно, вы-то мне и нужны.

– Ась?

И не дав девушке осознать услышанное, подхватил её на руки и перенёс нас в комнату сына.

Роза

Этот ненормальный светловолосый мужчина, кажется, о приличиях совсем не знал. Не успела и слова вставить, как сильные руки бесцеремонно подхватили меня, прижимая к широкой груди. А через секунду снежный вихрь охватил нас с головой.

Холода не было. Страх тоже. Зато возмущения и гнева – хоть отбавляй!

Когда снег осел, мы оказались в просторной тёмной комнате. Чёрные тяжёлые шторы не позволяли солнечным лучам проникнуть внутрь. Создавалось впечатление, что здесь кто-то умирает. Так тихо не было даже на кладбищах.

– Вы не собираетесь меня отпускать? – решила напомнить нахалу о себе.

– Будь моя воля – держал бы тебя вечность. Но ты права, сейчас не время.

Меня с неохотой поставили на пол. Ледяной воздух коснулся лодыжек. Пальцы слегка онемели. И, если бы в комнате был свет, можно было увидеть, как от меня исходит пар. Но света не было, как и хоть единого признака жизни.

– Кто здесь живёт? – чувствуя себя неуютно в крошечной тьме, задала вопрос. И только сейчас поняла, что почти прошептала его.

– Мой сын, – равнодушием незнакомца можно было убить.

Наощупь преодолела путь от середины комнаты до окна. Отодвинув сначала одну, потом вторую шторы, обернулась...

Немой крик застыл где-то в горле, так и не покинув лёгкие. Лишь небольшой клубок пара сорвался с губ.

Вся комната была покрыта инеем. Белые сугробы лежали то тут, то там. С потолка сыпали различных форм снежинки. И комната была бы красива, если бы не бледно-мертвый младенец, лежавший в ледяной кровати.

– Вы что совсем с ума сошли?! – рявкнула на мужчину, чем разбудила ребёнка. – Кто же детей держит в ледяном замке? – подбежала к кровати, где завозился малыш. И не обращая внимания

на то, что ребёнок был чужой, взяла его на руки, оборачивая его холодное тело белым платком, который сорвала с головы.

Ребенок, почувствовав тепло, успокоился и мирно засопел.

– Уснул, – прошептала, улыбнулась.

Погладила мальчика по голове, поправив ткань. Малыш смешно сморщил носик. И что-то было в этом жесте знакомое. Что-то родное и в то же время очень далёкое...

– Папа вставай! Солнце встало, птички поют. И нам пора идти гулять! – бегала маленькая девочка вокруг спящего мужчины и громко весело звала его.

Темноволосый мужчина неохотно открыл глаза. От яркого солнца щурясь, поднялся с кровати и, поймав девочку, притянул её к себе. Их носы соприкоснулись и потерлись друг об дружку.

– Папа! Хи-хи, – засмеялась девочка и крепко обняла мужчину за шею.

И в этом смехе я узнала себя. Звонкий, протяжный, но живой смех разлетелся по комнате, навеки отпечатываясь в памяти...

Встряхнув головой, оглядела комнату. Больше не было цветных обоев, бабочек и всего розового. Была всё та же покрытая льдом и снегом, холодная комната.

Что это только что было? Воспоминания? Но откуда им взяться? Почему именно сейчас?

Ответов на мои вопросы не было. Голова была пуста, лишь разноцветная картинка плыла в сознании.

Поправив спасшую к головке младенца ткань, посмотрела на его родителя. Тот был блее смерти. Под глазами большие синие круги. Взгляд стеклянный. Казалось, он несколько ночей нормально не спал.

Отключившись от своих забот, проанализировала ситуацию.

Отец был сильно уставшим, ребёнок смертельно-больной, о матери пока ничего не известно, а даже если она и есть, ей видно плевать на судьбу собственного чада – как безответственность!

Аккуратно, чтоб не разбудить, ощупала холодные ручки, ножки, послушала его сердцебиение, проверила пульс и дыхание. И ничего сложнее простуды не нашла. Но почему он тогда был таким немощным? Что

– Что с ним? – догадка подходила стремительно, но озвучивать её было страшно.

– Никто не знает, – мужчина плюхнулся в стоящее рядом с кроватью кресло. – Лекари пять раз на дню приходят его осмотреть, но как найти причину, так и выявить само заболевание они не в силах. Говорят, что никогда не сталкивались с чём-то подобным раньше. И все, – лорд тяжело вздохнул. – Я обращался ко всем, кому только можно – и там всё тщетно. Жрицы Афины – моя последняя надежда, – он вдруг посмотрел на меня с полными надежды глазами. – Но вы вряд ли согласитесь помочь.

– Что вы не поделили? – укачивая и проверяя ребёнка на остаточную магию, спросила мужчину. – Что ты сделал такого, чтоб сомневаться в помощи жриц?

– Принял их веру, а потом предал сестёр. Я был молод и глуп, но такого жрицы не прощают.

– Ты кого-то убил?

– Ты новенькая, да? – приподнял маг левую бровь.

– Два дня назад прошла обряд очищения, – кивнула.

– Поздравляю, – кивнул он в ответ. – Месть Афиса не признаёт, но нет я никого не убивал. Я, как и ты, получил имя, принёс клятву и даже послужил Богини несколько лет. Но потом мне наскучила эта жизнь. Душа требовала свободы, крови, а тут как раз император собирал войско на войну против соседнего королевства. И что ты думаешь, я сказал о своём решении старшей сестре Ларсена, она попросила остаться, не идти против Богини. А я не послушал и ушёл своей дорогой. В тот раз мы виделись с сестрами в последний раз. Ларсене обрела меня на вечные муки совести и поклялась больше не помогать мне. Остальные сестры последовали её примеру.

– Почему ты не извинишься? – сидя напротив мужчины, я внимала каждому его слову. И если это то, о чем говорила Афиса, то я на верном пути.

– А разве кому-то это надо?

– В первую очередь тебе, чтоб очистить совесть. А уже потом, чтоб простили тебя сестры. Я не стану отворачиваться от тебя и твоего сына, но взамен попрошу лишь об одном.

– Я слушаю.

– Поговори с Ларсене, объясни ей, почему ты поступил именно так.

– Но...

– Хоть раз в жизнь засунь свою гордость куда подальше! – сама удивилась сказанному – жрице так разговаривать не положено. – В конце концов, что ты теряешь?

– Ты...

– Дорогой вот ты где! – двери детской распахнулись и высокая, облаченная в пышное пшеничного цвета платье женщина. Её светлорусые волосы были собраны в высокую причёску. А на груди красовалось ожерелье с большими белыми камнями.

Какая-то вычурность в ней присутствовала. Власть, надменность, своеволие поглотили её душу. А бешенный взгляд, брошенный в мою сторону, показал о том, что она была ещё и ревнивицей.

– Это кто? – сухо спросила она, подойдя к мужчине и положив свои разгоряченные ладони ему на плечи.

– Жрица храма Афисы, – равнодушно повёл плечами лорд. Мне или показалось, или ему и правда было нехорошо рядом с ней?

Приглядевшись, заметила тонкую белесую нить жизни. Один её конец начинался от женской пышной груди и заканчивался...

Нет! Не может быть!

Ни одна мать не позволила бы себе жить за счёт собственного ребёнка! А эта сделала это и, что-то мне подсказывало, совсем без колебаний. Жестоко.

Но мало того, что она питается соками младенца, она ещё и сжигает своего мужа. То-то он ходит, как выжитый лимон.

– Беяна, – представилась временным именем. Кукловодам настоящие имена говорить нельзя – привяжут к себе и выпьют, даже глазом не моргнув.

– Кто вы?

– Лекарь вашего сына, – указала на спящего до сих пор на моих руках ребёнка. – И по совместительству её новая няня.

– Ты наконец решился! – женский визг оглушил замок. Ребёнок от громкого звука проснулся и заплакал.

– Тише-тише, – стала укачивать его. – Засыпай, маленький.

– Я так рада! – плясала женщина во круг мужа. – Так рада. Теперь ты будешь больше времени уделять своей любимой жене. Я так рада!

– Теперь я буду больше работать, – резко обронил мужчина. И я заметила некую холодность к своей супруге.

– Ты всегда работаешь! – притопнула женщина ножкой.

– Зато ты постоянно отдыхаешь. Такова уж наша судьба, – холод в общении сменился равнодушием.

– Но так не честно. Ты работу любишь больше, чем меня! – и только сейчас в проседи светлых волос мелькнула зелёная прядь. Приглядевшись, заметила, что и глаза хозяйки замка были болотного цвета – такие бывают только у...

Нимфа!

Вот это поворот событий! Никогда не видела нимф-кукловодов. Я и многих представителей других рас не встречала. Но уж точно знала, что кукловодами могли быть только русалки или ведьмы. Но никак не нимфы. А тут прям подарок.

– Извините, – решила напомнить о себе. – Мы пойдём погуляем, – хотелось поскорее покинуть комнату, наполненную смертью, страхом и злобой.

Покинув лорда и его жену, шла по коридору и думала.

Если вовремя не перерезать нить кукловода, ребёнок может умереть уже на следующей недели. А в холодной спальне, куда и солнечный свет не проникает, и подавно не выживет. Мальчику срочно нужна другая более чистая и яркая комн...

– Янетта! – женский голос прервал мои размышления. – Богиня, это и правда вы!

– Простите, мы знакомы? – посмотрела на спешившую ко мне полненькую женщину с широкой улыбкой. И среди её белоснежных зубов мелькнуло два острых клыка. Вампир.

– Ну, конечно, дитя моё. Конечно, знакомы! А ты не помнишь?

– Я вас в первые вижу, матушка.

– Что с тобой случилось?

– А?

– Ты совсем не боишься меня, да и разговариваешь, как придворная леди. Матушка моя, что же ты с собой сделала?

– Простите, мэм, я совсем не понимаю, о чем вы.

– А я говорила лорду, что Константия не мать его сына. Говорила. А он мне не верил. Не знает, говорит, никакую Янетту. И приказал забыть о тебе. А тут ты живая и невредимая сама к нам пришла. Видимо, помнишь мужа своего и сына тоже.

Женщина всё говорила и говорила. И чем больше она рассказала, тем больше понимала, что совсем ничего не понимаю. Какой муж? Чей

сын? Кого кто помнит? – не понятно. Ясно было одно – женщина явно была не в себе.

– Мы пойдём, – слабо улыбнулась и поспешила ретироваться, да не успела – женская морщинистая рука схватила меня и потащила вниз по лестнице. – Куда вы нас ведёте?

– Туда, где мы сможем поговорить вдвоём.

– Посетите, мэ, – резко остановилась. – Но я никуда с вами не пойду. Я вас не знаю, как и не знаю откуда вы знаете меня. Но попрошу вас, впредь больше не касаться меня, особенно, когда я с ребёнком.

Сама от себя не ожидала такой грубости. Но и другого пути не видела. То, что говорила эта женщина, выходило за все границы фантазии. Я никак не могла быть женой мага Зимы – у него уже была жена и годовалый сын, который совсем не похож на мать...

Вырвав руку из крепкого захвата, вышла на улицу. Ребенку полезно часто бывать на свежем воздухе, да и погреться в лучах тёплого Солнца ему не помешало бы.

Дни шли. Время, как песок, утекало из-под пальцев. А заклинание на разрыв нитей я так и не нашла. Целыми днями я пребывала в замке. Гуляла, играла с малышом. Ночи же просиживала в библиотеке храма, зачитывалась допоздна и, так ничего не найдя, сонная поднималась к себе в комнату и прям в одежде заваливалась спать. Иногда брала книги с собой в замок и, пока ребёнок спал, читала. Но чем дольше я пребывала в поисках, тем меньше оставалось времени Августу – сыну лорда Гордона.

Глядя на спящего малыша, закрыла очередную книгу. Я должна была спасти его. Чувствовала, что должна. Но кроме своей заботы и любви ничего ему дать не могла. А ему, кажется, и этого было достаточно.

Для своего ребёнка отец нашёл светлую, просторную комнату с большими окнами во всю стену, светлыми обоями и удобной мягкой

кроватькой. Мальчику спальня пришлась по душе. Он даже заметно похорошел. Щёчки порозовели, тело, наконец, начало гонять кровь. Метаболизм Августа восстановился и теперь он кушал чуть ли не больше своего папы.

Поправив одеяло, поцеловала ребёнка в тепленький лобик. Мальчик во сне смешно сморщил носик. Улыбка коснулась моих губ, но тут же сменилась напряжением.

И почему я раньше не догадалась?!

Подхватив свою дорожную сумку, в которой носила книги храма, без стука залетела в кабинет лорда – он был напротив детской спальни.

– Я домой, через час вернусь! – предупредила и вылетела на улицу.

До храма добралась в течение двадцати минут. Ни с кем не здороваясь, пробежала до библиотеки и уже там второпях собирала всё ингредиенты для ритуала перенесения нити жизни с одной души на другую.

– Что ты делаешь? – голос старшей сестры застал меня ползающую под столом в поисках веточки лаванды.

– Лаванду ищу. Пчи! – в нос попали пылинки. – Нашла! Пчи!

Выползла, кинула в сумку веточку нужной травы, отряхнула платье и уже собралась попрощаться с сестрой, как та грубо схватила меня за руку.

– Куда ты вечно убегаешь? – в глазах Ларсене стояло беспокойство. – Тебя целыми днями нет в храме, ночами ты читаешь. Что происходит, Яна? Мы волнуемся.

– Ларсене, прости, но сейчас я ничего рассказать не могу – времени мало. Нужно спасти сына Городона от магии кукловода, – говорила быстро, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу.

– Гордону?! Ты помогаешь этому негодяю?! – глаза сестры полыхнули огнём. Такой злой я её не видела, даже когда случайно разбила её фамильную вазу. – И как долго ты видишься с ним?

– Ларсене, пойми меня, мне сейчас некогда. У ребёнка не так много времени.

– Почему ты вообще помогаешь ему? Ты знаешь, что он сделал для твоих сестёр?!

– Он умирает! – впервые повысила голос на старшую. – Мальчик умирает, Ларсене. Ему нужна моя помощь. Отпусти меня,

пожалуйста, – голос дрогнул, из глаз потекли холодные слезы.

– Яна, – женщина кинулась ко мне и прижала к своей пышной груди. – Девочка моя, тише, – она гладила меня по голове.

Страх за жизнь мальчика усиливался во мне. Истерика накрывала меня. Надежда с каждой минутой покидала меня. Нужно было спешить. Нужно было перекинуть нити с ребёнка. И сделать это надо было как можно быстрее.

– Почему мальчик умирает?

– Кукловод питается им, – уже спокойнее ответила.

– И что ты собралась сделать?

– Я не нашла ни одного ритуала об отмене этого заклинания, но вспомнила, что можно на себя перенести нити кукловода.

– Я знаю, о каком заклинании ты говоришь. Но вдвоём нам не справится, – задумчиво проговорила женщина. – Оставляй сумку здесь и идти за мальчиком – ритуала будем проводить в храме, под взглядом Богини.

Не веря своим ушам, я крепко обняла сестру.

– Ну-ну, дитя моё. Давай. иди. Каждая минута на счету, – и сама подтолкнула к двери.

Второй раз в жизни была в самом храме Афисы. Зал большой. Высокий потолок пропускал солнечные лучи. А на полу уже были расставлены в ритуальном кругу незнакомые мне травы.

– Яна, это...

– Сейчас не время объясняться, – Ларсене подошла ко мне. – Давай мальчика, – она протянула руки, совсем не обращая внимания на стоящего рядом мага.

Передала Августа сестре и уже собралась увести мужчину из храма, как мальчик громко заплакал.

– Август, ты чего? Тише, маленький, – женщина начала укачивать ребёнка, но он только громче стал кричать.

– Мальчик мой, тише, – аккуратно забрала малыша из рук сестры. – Я рядом. Видишь? – посмотрела в ярко-голубые глаза. – Красавец мой, чего ты пугаешь тётю Ларсену?

– Яна, это же...

– Что? – удивлённо взглянула на неё.

– Нет, ничего, – отмахнулась жрица. – Если он принимает только тебя, лучше тебе идти с ним в круг, – и сестра протянула мне белую ритуальную сорочку.

Кивнув, передала на время ребёнка его отцу, а сама стала переодеваться.

– Ты бы хоть за ширму ушла, – упрекнула меня Мелиса – двадцатилетняя жрица.

– Времени нет, – сказала и скинула чёрное платье. Прохладный ветерок коснулся голой кожи. Соски тут же напряглись, а тело покрылось мурашками. Но в том месте, где цвела алая роза, было тепло.

Слегка поежившись, быстро натянула белую ткань. Подошла к мужчине, протянула руки за мальчиком. И встретила с тёмно-синими глазами. Они были настолько тёмными, что казалось там отражалась вся Вселенная. И только сейчас поняла, почему сестра хотела, чтоб я переодевалась за ширмой.

Щеки полыхнули. В груди сердце замерло, а через мгновение пустилось в пляс. Не разрывая зрительного контакта, взяла мальчика и, отвернувшись от мужчины, взгляд которого прожигал спину, вошла в центр круга. Сестры встали по кругу и начали читать заклинание разрыва нити кукловода.

Первое время ничего не происходило. Но уже через несколько минут в храме полыхнули все свечи, потолок потемнел, словно само Солнце скрылось за грозowymi тучами. Холод был невыносимым. Пол покрылся инеем. От тела исходил пар. Но мальчик как продолжал мирно спать, так и сопел на моих руках. Но это было недолго.

Лишь раздался над головой гром, как жгучая боль пронзила всё тело. Ноги подкосились, но я удержалась и не упала. Сквозь разрывающую на части боль, укачивала Августа. Мальчик верещал на весь храм, заглушая всё вокруг. Я больше не слышала сестёр, лишь его дикий рёв. Ребёнок вырывался из рук, пинался, кричал. Моё тело горело, казалось, органы плавилась от повышенной температуры. Но я продолжала успокаивать ребенка, посылая в Бездну своё состояние.

В какой-то момент жар стал настолько невыносимым, что мозг не выдержал напряжения. И я, покачнувшись, полетела на пол. Перед тем как потерять сознание, услышала обеспокоенный голос Ларсене:

– Север, не смей!

Север

День не обещал сюрпризов. Я сидел в своём кабинете и разбирался с документами, когда жрица ворвалась в мой покой и что-то сказав – так быстро она говорила, что разобрать её слов у меня не получилось, – захлопнула дверь. Чтоб через час вновь ворваться и впопыхах, размахивая руками, что-то лепетала.

– Успокойся! – положил ей руки на плечи. – Вдох-выдох, – она послушно повторила за мной. – Молодец. А теперь рассказывай, что стряслось?

– Сестры нашли способ спасти Августа! – её глаза пылали радостью. – Давай, быстрее. Нам ещё идти в храм, – она потащила меня в коридор.

– Давай помогу, – видя, как из женских рук всё валиться, подошёл и сам укутал сына. Захотел уже взять его, как девушка опередила меня и, серьёзно посмотрев на меня, приказала:

– В путь!

Улыбнулся – она такой милой была в этот момент. Покачив головой – я всё ещё не верил в происходящее, сестры не могли простить меня, что же она им наобещала? – подошёл к жрице и, прижав её к себе, призвал магию.

– Так будет быстрее, – сказал, когда белый снег окутывал нас, чтоб через секунду оказаться напротив тяжёлых дверей храма Афисы.

Когда мы вошли внутрь, жрицы встретили нас осуждающими взглядами. Казалось, что меня прямо там испепеляет. Ситуацию спасла Ларсене, взяв сына из рук Яды. Вот только Август сразу же вернулся к девушке, а ритуал пришлось проходить ей.

Дав подержать мне ребёнка, она стала переодеваться. Вот чёрная ткань падает к ногам. Вот тело реагирует на прохладу храма. А мой взгляд застревает на груди – распустившаяся алая роза, оплетенная зелёными шипами, привлекла моё внимание.

В своей жизни я видел многое, различные символы, руны, но чтоб Богиня, чья правда любить и нести в мир прощение, наградила собственную дочь знаком кровной мести – никогда. Ни за что бы не поверил, если бы не видел этот рисунок собственными глазами. На

белой коже он смотрелся слишком пёстро. А место, где был расположен символ, необычное. Ещё ни у одной жрицы не ставился след Богини против сердца. Даже моя чёрная снежинка полыхает синем пламенем на плече. Чем же она заслужила такую нелёгкую участь? Не могла же она желать себе смерти? Да ещё с такой жаждой, что единственный вариант – быстрая смерть – удар в самое сердце? Но почему такой уход?

Пока я разглядывал розу, девушка быстро облачилась в белую сорочку и, забрав сына, вошла в ритуальный круг. Сестры принялись читать заклинания. И всё было хорошо... Пока зал храма не погрузился во тьму, а пламени свечей не полыхнуло к потолку. Оно закружилось вокруг девушки, прижимавшей к груди кричащего ребенка, она ему что-то шептала, пела, пыталась успокоить, но было видно, что самой ей было не лучше. Огонь проникал под кожу, выжигал органы, повышал температуру тела и совершенно не щадил ни молодую жрицу, ни годовалого мальчика.

Как в замедленном кадре, я видел, как теряет сознание Яда. Видела, как длинные ресницы упускаются тенью на щеки. Чувствовал, как ей было тяжело справляться с магией двадцати сестёр.

В надежде поймать обессиленные тело, я пересёк чёрту. Последнее, что я слышал, проваливаясь в темноту, был обеспокоенный голос Ларсене.

И наступила тьма.

Когда же я открыл глаза, был в собственном кабинете. Случившееся показалось бы сном, если бы не одно «но» – я видел себя со стороны.

Этот камзол, я надевал его в тот день, когда пообещал жене прогуляться по улицам столицы и, пока я собирался, она пропала.

Яда!

Так вот почему она мне снилась. Вот почему магия не реагировала на Констанцию – она давно сделала свой выбор. И этим выбором была невысокого роста девушка, с волосами цвета воронова крыла и большими карими глазами.

Я вдруг вспомнил всё. И что женился на Олимпии – девушке из очень бедной семьи. И что желал развестись, только родит она сына. И то, как однажды утром проснулся, а вместо запуганной серой мышки

предо мной предстала светская львица, не боящаяся мнения общества, не стремившаяся кому-то понравиться и живущая по собственным принципам, и уж точно не желавшая со мной разводиться. С первых дней она покорила моё сердце, заставив напрочь позабыть обо всём на свете, кроме неё. Когда она улыбалась, душа моя пела серенады. Когда на её глазах появлялись слезы, магия внутри бушевала и требовала придать обидчика клейму, даже если этот обидчик я сам.

Вспомнил, как её тонкие пальчики растягивали мой камзол, чтоб правильно его застегнуть. Как она ловко расчёсывала мои волосы. Как рассказывала о своём прошлом. И платье. То платье, которое она сшила сама, но так и не смогла выгулять в свет.

Я вспомнил всё. И даже то, кому могло понадобится стереть мне память.

Но один вопрос оставался нераскрытым: как она вытащила ребенка из биологической матери?

Ответ пугал. Я очень надеялся, что моей жене не пришлось пережить это ужасное состояние потери, эту боль как физическую, так и душевную.

И если всё так, как я думаю, я собственными руками оторву ей голову!

Роза

Когда мозг отключился я попала в затягивающая темноту. Прислушавшись, уловила лёгкое дыхание ветерка, игравшего с ещё зелёной листвой. Щебетание небольших птичек доносилось откуда-то сверху. А когда открыла глаза, узрела себя, стоявшей посреди цветущего сада.

Я знала этот сад. С Августом каждый день приходила сюда. Но что-то в этом месте было мне незнакомым. Его энергетика. Она была другой, более живой.

Огляделась, заметила, как ко мне бежит какая-то незнакомая девушка с темно-зелеными волосами.

И тут понеслось. Обрывки воспоминаний сходились друг с другом, собирая целый пазл моего прошлого.

Пьяные танцы, драки, новый дом, новое тело и... муж. Красивый, умный, но очень холодный мужчина был окольцован со мной. А я под сердцем носила его сына. И ведь точно была уверена, что это мальчик.

С первого же взгляда я влюбилась в эти ледяные глаза, его сдержанный нрав, но горячее тело. А как он танцевал с мечами в устроенную им же пургу на заднем дворе замка... И ведь это всё досталось мне одной!

И только жизнь стала потихоньку налаживаться, как судьба вновь подкидывает испытания. Ну, конечно, прошлых мне было мало, нужно ещё!

Нимфа. Я помню, как она смотрела на моего мужа, как пожирала его сильное тело глазами и, как мечтала убить меня, лишь бы быть вместе с ним. Помню, как ждала в саду лорда, похитившего мой покой. Как видела сквозь деревья чью-то фигуру, а потом была темнота. Как переживала о ребёнке – не хотела, чтоб он пострадал. И как в воду глядела – его у меня отобрали. И не просто дождались нужного срока для родов, а на живую при помощи заклинаний опустошали матку.

Эта боль не сравнится ни с какой другой. Боль от осознания происходящего. Боль, когда тело больше не подчиняется тебе, а душа разрывается на части. Боль, которая заглушает всё, заставляет чувствовать себя беспомощной и слабой. Когда ты понимаешь, что не

в силах справиться с ситуацией, когда не в твоей власти изменить исход, когда ты ещё вчера был матерью, полноценной личностью, в один момент становишься никем – пустой оболочкой без души, личности, прошлого. Вот эта боль убивает быстрее пули, режет острее ножа. Эта боль – самое жестокое и бесчеловечное наказание, которое мог придумать человек или другое разумное существо.

Я ясно помнила тот день, когда меня нашли сестры, как они следили за мной, чтоб я не убила себя. А убивать нужно было не себя. Убить нужно Алифию...

Жар начал спадать. Органы, как и само тело, больше не полыхали огнём. Голова немного кружилась, но глаза открыть у меня всё же получилось. И первое, что я увидела – были родные тёмно-синие глаза, в глубине которых океан покрывался льдом. Муж был зол. Нет не так. Муж был в ярости. Его напряжение выдавали крепкие руки, обнявшие меня и сына, и стянутые в тонкую полоску губы. При одном взгляде на мужчину, можно было сказать, что он в любую минуту готов сорваться и разнести к чертям весь храм Афисы.

Как же я его понимала. Я полностью разделяла чувства мужа. И в первую очередь, потому что какой-то ненормальной нимфе захотелось причинить боль моему ребёнку.

Проскрипев зубами, я всё же улыбнулась своему мужчине, по которому, только сейчас поняла, сильно соскучилась. Прикоснулась ладонью к его шероховатой щеке – как же давно он не брился? – погладила её и, притянув за ворот рубашки, поцеловала мужчину так сильно, так сладко, как только могла. Я старалась передать ему все переполняющие меня чувства: и любовь к нему, и благодарность за такого чудесного ребёнка, и злость за то, что не нашёл меня раньше, и ревность за то, что спал в одной кровати с другой женщиной, и уничтожающую всё на своём пути ярость, которую с каждой секундой было тяжело сдерживать. Но и муж не отставал от меня. Он поглощал мои эмоции, делясь своими. Он впитывал всю меня, как губка, и

восполнял более сильными эмоциями. Я горела в его руках, но не от страсти, а от бурлящих внутри нас чувств.

– Кхм-кхм, – лёгкое покашливание донеслось со стороны, но мы не обратили на него внимания – так были поглощены друг другом.

– Я всё понимаю, счастливое воссоединение и всё такое, но давайте не на глазах у всех! – голос Ларсене отрезвил меня. Смущаясь, отстранилась от мужа и, приняв его руку, поднялась на ноги.

– Ларсене, я могу всё объяснить, – начала и вдруг поняла, что не знаю, как лучше это сделать. А поверят ли они? Я ж не поверила, а Агата Авдосьевна говорила мне.

– Яна, не утруждайся, – начала сестра. – Мы и так всё поняли.

Улыбнувшись сёстрам, посмотрела на сына.

Мой мальчик. Мой маленький лорд мирно спал. Кажется, его совсем не интересовали наши с его отцом проблемы.

Кстати, о проблемах...

Как там любил говорить мой отец? Вспомнишь г***...

Ой, нет. Это из другой оперы.

Вспомнишь лучик – вот и Солнышко. Ага, это как раз по нашему случаю.

– Дорогой, ты здесь? – двери храма отворились, являя нашему взору желанную гостью. – Агата сказала, что ты пошёл знакомить Августа с Богиней. Почему ты меня не позвал? – её наигранный писклявый голосок резал уши.

– Сестра, поддержи малыша, – протянула укутанного ребенка Ларсене.

– Он же...

– Сейчас он крепко спит, не переживай, – подмигнула ей.

– Няня и вы здесь?! Не ожидала, – встретила со мной взглядом «Констанция». Толи она почувствовала что-то неладное, толи мой взгляд был красноречивее слов, но женщина опешила и даже попятилась. Её щеки побледнели, глаза вытянулись. Всё тело её задрожало, а губы никак не могли сомкнуться. Ещё чуть-чуть и точно бы разревелась. Да гордость не позволила бы этого сделать.

– Дорогой, что происходит? – теперь она искала спасения во взгляде Северуса. Но тщетно. Мы всё знали. И она это поняла. И это её пугало. Я её пугала.

Тварь!

Муж сразу почувствовал мои эмоции и попытался удержать.

– Север, отпусти меня, иначе сделаю больно.

Я не угрожала ему, просто сама не была уверена, что не причиню ему вреда. Бушующий внутри ураган требовал выхода. И он его получил.

В одно мгновение пересекла разделяющие нас пять метров, со всей злостью врезала бывшей экономке в челюсть. От такой неожиданности и стремительности моих движений она потеряла равновесие и упала.

– Как ты посмела прикоснуться к моему сыну, тварь?! – огонь полыхал в моих глазах. Ярость набирала обороты, чтоб в полной мере ответить той, которая посмела навредить моим родным.

– Я спрашиваю тебя: как ты посмела?! – подняла нимфу за ворот её платья. Ладонь рассекла воздух и оставила кровавый след на женской щеке.

– Яна, остано...

– Тиш, – муж был на моей стороне, это придало сил.

– Отвечай, мерзавка!

– Я... – запинаясь начала она. – Я любила его! Хотела быть с ним. А он выбрал тебя. Немощную, жалкую уродину, которая себя еле как держит, что уж говорить о вынашивании ребенка.

– Если бы ты любила моего мужа, отпустила бы его, позволила быть счастливым, даже если не с тобой. Но я не про это. Как ты позволила тебе питаться моим сыном! – вторая ладонь просвистела в воздухе. – Ты хоть понимаешь, что могла убить его?! Хоть осознаешь, что могла натворить твоя зависть?!

– Давай, убей меня, – прошептала она.

– Нет, – слишком спокойно сказала, заставив опешить женщину. – Я не убью тебя, не стану мстить тебе и уж точно не возьму суд над тобой, – моей холодности мог позавидовать истинный маг Зимы. – Я прощаю тебя, – опустила женщину. И даже отступила назад, чтоб показать, что ей больше не угрожает опасность.

– Прощаешь? Но почему? – она мне не верила. Но это было её дело.

– Мы должны уметь прощать тех, кто убивает нас, – сухо ответила на её вопрос.

– Спасибо, – упав на колени, расплакалась она. Облегчение накрыло её. Она расслабилась – её же ошибка. Жизнь научила меня – не радоваться раньше времени.

– Я-то простила тебя, Алифия. И в этот раз тоже отпускаю. Но вот Боги, – намекнула ей, но она не поняла. Пришлось пояснить:

– Проси прощенье у моей Богини.

Отвернулась от неё – не было больше сил смотреть на ту, которая чуть не лишила меня моей семьи. Сделала шаг к мужу, и в этот момент за спиной раздался душераздирающий крик, словно женщину живьём сжигали на костре, как когда-то давно в моём мире люди расправлялись с ведьмами.

Мне не было жалко её – в своей участи виновата она одна. И только она.

А потому с лёгким сердцем я взяла у сестры сына и нежно поцеловала его в тёплый лобик. Встретив испуганный и полный беспокойства взгляд Ларсене, улыбнулась ей:

– Мечь бывает разной, – и ведь ничуть не соврала.

– Ты изменилась, – не обращая внимания на женские крики и мольбы о прощении, заметила страшная сестра.

– Она всегда была такой, – муж аккуратно приобнял за плечи, предварительно спрятав их под свой синий камзол, и коснулся губами макушки. – Домой?

– Домой! – подарила мужу самую искреннюю и счастливую улыбку, которая могла только отразиться в тот день на моих губах.

Выходя из храма, мысленно обратилась к Богине:

– Спасибо, мама.

– Будь счастлива, дочь моя, – тихий, нежный, как лепесток розы, ветерок коснулся моих волос. И сама душа откликнулась на слова Афисы.

С мужем под руку и младенцем на руках я была само счастливой женщиной в этом и любом другом мире.

Моё счастье – моя семья!

Эпилог

Север и Роза

Несколько месяцев спустя

Жизнь в новом мире налаживалась. Сестры не сразу простили Северуса за его молодое, пылкое желание уйти на войну, когда служителю Богине запрещалось проливать кровь. Ларсене ещё долго потом ходила вся хмурая и задумчивая. А когда мы настояли на разговоре по душам, оказалось, что женщина была и не против военной карьеры брата и обиду на него держала только из-за того, что тот ушёл не попрощавшись, а потом и совсем позабыл про них, жриц Афисы.

«Дорогая» свекровушка, узнав, что нас с её сыном разлучили, лишив обоих памяти, не могла понять то ли ей хорошо, то ли она переживает. Но стоило ей спросить про рождение Августа, как Север резко сменял тему или отправлял меня отдыхать – в последнее время муж зачастил с заботой, но об этом чуть позже. Конечно, же, как и любая женщина, леди Гордон всячески пыталась разузнать, что же произошло на самом деле, и я её понимала – трудно находиться в том месте, где все всё знают, кроме тебя. И как-то, когда мужа не было дома, она подстерегла меня возле детской и, уведя к себе в комнату, стала проявлять несвойственную ей манеру дружбы. Женщина угостила меня чаем, рассказала о детских годах своего единственного сына и много чего ещё, во что я почти не вслушивалась, а когда наелась её слов, спросила:

– Вы хотите узнать, как получилось так, что я вынашивала Августа, а родила его совершенно другая женщина? – специально поставила вопрос так, чтоб свекровь сама догадалась.

– Боги! – чашка выпала из её рук. – Моя девочка, даже не представляю, что пришлось тебе пережить, – на её глазах навернулись слезы, а руки прижимались к груди.

– Я похоронила сына, – сухо ответила ей.

Никогда не любила, когда меня жалели. Это чувство унижало, выбивало всю почву под ногами и выводило меня из себя... Оно и в это раз бы вывело, да видать я повзрослела, раз уж на такие мелочи отвечаю только сменой голоса.

– Это же ужасно! Родители не должны хоронить своих детей, – хоть с чем-то я была согласна.

– Леди...

– Какая я тебе «леди»? – в голосе послышался упрёк. – Зови меня мамой!

– С чего вдруг такие привилегии? – любопытство вместе с неверием принялись ждать.

– Я никогда не одобряла решение сына жениться на простой, безродной девчонке. Когда ты только появилась в замке, была запачканная, запуганная с большими от страха голубыми глазами. Ты была не лучше серой мышки. И скажи мне, которая всю жизнь желала сыну только лучшего, нужно было принять тебя? Меня брало только омерзение и презрение. Я не знала, какие мысли трудясь в твоей голове, может ты околдовала моего мальчика. Но, когда я случайно услышала про договор о разводе и как ты категорически отказалась выполнять его, я удивилась. От сына такого не ожидала, но ты превзошла его по всем фронтам. Домой тогда ехала с мыслью о том, что к тебе самое время присмотреться. А когда приехала в прошлый раз, то и во всё подмены не заметила. Прости меня, что не влюбила тебя с самого начала. Тебе было тяжело привыкнуть к новому месту, где никто не принимал тебя.

– Вам не за что извиняться. Каждая мать стремиться дать всё самое лучшее своему ребенку, и вы не исключение.

– Можно личный вопрос? – по взгляду женщины можно было сказать, что она волнуется и не решается озвучить, что её гложет.

– Конечно.

– Ты ведь не Олимпия, верно?

И тут я поняла, чего именно смущало маму моего мужа. Мои глаза. Понимающе улыбнулась.

– Нет. Янетта Драгунова, – протянула руку.

– Маркиша Гордон, – ответила та на рукопожатие.

Мы ещё долго просидели в покоях свекрови, а когда нас благополучно нашёл мой муж, не сговариваясь, решили в тайне

оставить наш разговор. И как только Север не пытался вытянуть из меня всю информацию, ничего у него не вышло. А способы были... ох, какими приятными!

Что же касается нас с мужем? То мы всей нашей небольшой семьёй вскоре, после случившегося в храме Афисы, переехали в горы, как и планировали полтора года назад.

В небольшой горной деревеньке выбор будущего жилища пал на мои хрупкие плечи. По словам мужа, раз я женщина, то у меня лучше получится обустроить дом, сделать его уютным и тёплым, чем у него. Я, конечно, посмеялась, но с серьёзностью подошла к выбору домика. Искала его неделю, не меньше. Обошла всю деревню и близ стоящие дома. В итоге найдя самый отдалённый и заснеженный уголок, встретила с небольшим двухэтажным домом, и тут же решила, что он будет наш. На немой вопрос мужа, пожала плечами и коротко ответила:

– Чувствую, что моё.

Так и получилось. Только вошла в просторный, но тёплый коридор ощутила себя дома. Хоть здесь и было безлюдно, очень тихо, а порой за окном завывала метель, в этом доме, обустраивать который ещё только предстояло, было легко и спокойно. Именно в этом месте моим детям нечего бояться, есть где разгуляться и поиграться со своей магией, да и мужу тут будет намного лучше – он в своей стихии. А раз им хорошо, значит и мне тоже.

Августу его новая комната пришлась по душе. В ней всего было понемногу: кровать, шкаф, письменный стол, полочки для книг и окно с широким подоконником. Север ещё хотел добавить цвета, но я вовремя щелкнула его по носу, напомнив, кто в этом доме хозяйка.

– Мальчик подрастёт и сам, как захочет, раскрасит свою комнату. И вообще, иди поработай и не лезь в мое творчество.

– Ладно-ладно, – рассмеялся муж. – Не буду вам мешать, моя госпожа, – и ретировался по своим делам в столицу, предоставив дальнейшую работу мне.

Как обставить нашу с мужем спальню, я думала долго. Хотелось соединить и его холодный нрав, и мой горячий характер. Огонь и лёд – две несовместимые стихии, которые не могут существовать в гармонии друг без друга. А потому пришла к верному решению и

совместила два цвета. Стены покрасила в тёмно-синий, добавив ярко-красные снежинки. Шторы на окна повесила двойные: из синего оттенка виднелся красный. Кровать заправила простынями, эскиз которых составляла сама и шила позже тоже сама. И так получилось, что мужская половина кровати была красного цвета, но с синей подушкой, а моя в точности да наоборот. Пол решила застелить ковром из замка – никакой другой покупать не хотелось. Шкаф, маленький столик да в общем-то и всё.

– Оу, – было первое, что произнёс муж.

– Тебе нравится? – почему-то именно сейчас его мнение было для меня самым важным. И, казалось, если он не одобрит, то жить с этим я точно не смогу. А потому стояла за его спиной, совсем позабыв, как дышать.

– Очень! – мужчина повернулся ко мне лицом и, подхватив на руки, принялся покрывать щеки, лоб, губы лёгкими поцелуями. И наше знакомство с новой спальней продолжилось на прохладных простынях...

Так мы и жили. Днём я растила Августа, играла с ним, учила. Ночью уделяла всё внимание любимому, отдавалась в его сильные, знающие, как расслабить меня, руки. Я доверяла своему мужчине, полностью и безоговорочно подчинялась ему – только по ночам. Днём же дело порой доходило и до споров, даже ругались иногда. И всегда мириться приходил именно он. Ему до сих пор было тяжело переступить через свою гордость, но ради моего внимания, ради улыбки на моих губах он делал это, пересиливая себя, а после в нашей спальне очень долго говорил мне, какая я нехорошая женщина, и наказывал меня по всем статьям «послушной жены». А мне такой метод примирения очень нравился.

И вот однажды наши бурные примирения принесли свои плоды. Как-то сидя возле спящего сына, читала ему сказку и вдруг одна малюсенькая мысль закралась под корку и не выходила, пока не осознала, что она значила. Месячные. Их не было... Посчитав, когда в последний раз были женские дни, поняла, что задержка длится уже целый месяц. Месяц.

Резко подскочила. На пол с глухим стуком упала книга. На шум прибежала обеспокоенная Агата – женщина отказалась оставаться в замке без меня, а я и не возражала – вдвоём всё равно веселее.

– Миледи, что случилось?

Я не ответила, лишь подняла на неё полные слез глаза. Руки невольно начали гладить ещё плоский животик. А из груди вырвался блаженный стон.

– Яда? – на пороге появился муж. Переведя на него взгляд, встретила с темнеющими синими глазами, в глубине которых плескалось беспокойство. – Тебе нехорошо? – в одно мгновение он отказался рядом.

Мужчина начал аккуратно ощупывать, проверял температуру, пульс, заставил открыть рот. Но так и ничего не найдя, заглянул мне в глаза. А я всё никак не могла вымолвить и слова. Слезы текли по щекам. А в душе расцветало дерево роз.

– Я, – глотая слезы, начала. – Я беременна! – сказав это, почувствовала облегчение, а на губах расплылась счастливая улыбка. – Север, ты второй раз станешь отцом! – слезы радости текли не переставая, а я всё шире улыбалась и не могла нарадоваться этой приятной новости.

– Роза... – муж был поражён. На секунду он выпал из реальности, но уже совсем скоро жарко поцеловал меня в соленые губы и закружил по комнате. – Ты даже не представляешь, как я тебя люблю!

– И я тебя люблю, – прижалась к его широкой, но такой горячей груди.

– Я так счастлив, что ты моя, – муж решил съесть меня. Его губы с нежностью сминали мои, говоря вместо тысячи слов, что он чувствовал в этот момент. – Жрица моего сердца, ты делаешь мою жизнь безумной!

Рассмеявшись, потянулась к мужу и, как в детстве делал мне папа, потерялась об его нос своим. Этот мужчина делал меня счастливой, любимой, нужной. Он дарил мне ощущение защиты, заботы. И он полностью принадлежал мне одной!

Не о таком ли джекпоте мечтает каждая женщина?

Конец